

Сервис Р.

ПОЛЯРНЫЕ АРГОНАВТЫ

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Роберт Сервис
Полярные аргонавты
Серия «Классика
приключенческого романа»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28512742

Полярные аргонавты: Мир книги, Литература; М.; 2009

ISBN 978-5-486-02787-1

Аннотация

Роберт Уильям Сервис (1874–1958) – канадский поэт и писатель. Родился в Англии, в шотландской семье. Эмигрировал в Канаду в 1894 г.; восемь лет проработал в банке. Известность принесли ему сборники баллад, написанных в лучших традициях Р. Киплинга. Война 1914 г. застала Сервиса в качестве корреспондента «Звезды Торонто» во Франции, где он затем и поселился, женившись на француженке. В годы Второй мировой войны уехал в Канаду, жил в Ванкувере и Голливуде; в 1942 г. вместе с Марлен Дитрих снялся в кинофильме «Добытчики». После войны вернулся во Францию, где вместе с женой и дочерью провел остаток жизни. Перу Сервиса принадлежат около 50 поэтических сборников, две автобиографические книги и шесть романов. Некоторые из его баллад вошли в золотой фонд мировой англоязычной поэзии.

В этот том включен роман «Полярные аргонавты», герой которого, юноша Этоль, отправляется из Шотландии в Новый Свет. В Америке, чтобы не умереть с голоду, он нанимается рыть тоннель. Но жажда приключений и свободы не оставляет его, и спустя некоторое время, подобно аргонавтам в поисках золотого руна, Этоль вместе с охваченными золотой лихорадкой товарищами отправляется в Великую Белую Страну.

Содержание

Вступление	6
Книга первая	10
Глава I	10
Глава II	14
Глава III	17
Глава IV	21
Глава V	26
Глава VI	30
Глава VII	36
Глава VIII	41
Глава IX	44
Глава X	46
Книга вторая	55
Глава I	55
Глава II	64
Глава III	73
Глава IV	82
Глава V	89
Глава VI	98
Глава VII	108
Глава VIII	113
Глава IX	121
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Роберт Уильям Сервис

Полярные аргонавты

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление,
2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

Вступление

Свирепый ветер завывает в вышине. Его голос похож на заунывную волчью песнь под полярными звездами. Сидя одиноко у ярко освещающего комнату камина я слышу, как от его неистовства со скрипом раскачиваются вершины елей. Это вечно презрительный голос Великой Белой Страны.

О, я ненавижу, ненавижу его! Почему человеку не дано забывать? Почти десять лет прошло с тех пор, как я влился в ряды Неистойой Рати. Я путешествовал, я совершал паломничества к алтарям красоты, я гнал за призраком счастья до самых краев земли. И все равно всегда одно и то же: я не могу забыть.

Почему человека должна вечно осенять, подобно крылу вампира, тень его прошлого? Разве не обрел я прав на счастье? У меня есть деньги, положение, имя – все, что означает «Сезам, откройся» для волшебной двери. Многие входят в нее, я же бьюсь лбом о ее окованную медью поверхность, разбивая его в кровь. Нет, я не обрел право на счастье! Все дороги мира открыты передо мною, праздник жизни сверкает яркими красками, чудотворцы создают пышные зрели-

ща торжествующих красоты и радости – и все же нет мира в моем сердце. Я видел, я пробовал, я пытался. Зола, грязь и горечь – вот все, что мне досталось. Теперь я оставлю бесплодные усилия. Тень крыла вампира накрывает меня.

И вот сижу я у ярко пылающего огня, опустошенно усталый и печальный. Слава богу, наконец я дома. Здесь все почти что совершенно не изменилось. Пламя освещает оббитый дубом зал; мерцает блеск скрещенных палашей, стеклянными искрами отражается огонь в глазах чучел оленьих голов, меховые ковры покрывают натертый паркет – во всем уют, домашнее тепло и привычная атмосфера моего детства. Порой мне кажется, что все это был лишь сон: Великое Белое Безмолвие, соблазны золотой лихорадки, неистовство борьбы – лишь сон, и вот-вот я, проснувшись, услышу, как Гарри зовет меня поохотиться на болоте, увижу дорогую любимую маму с ее кротким мягким ртом и щеками, нежно окрашенными в розовый цвет лепестков шиповника. Но нет! Зал безмолвен. Мама навеки упокоилась в семейном склепе, Гарри спит под снежным покрывалом. Всюду тишина. Я один, всегда один.

Я сижу в большом резном дубовом кресле моих предков – безвольно поникшая человеческая фигура с изможденным лицом и безвременно поседевшими волосами. Около меня на полу лежит костыль. Моя старая няня тихо подходит, чтобы поправить куски торфа в камине. Ее румяное морщинистое лицо приветливо улыбается, но я замечаю тревогу в ее

голубых глазах. Она беспокоится обо мне. Должно быть, доктор сказал ей что-нибудь. Без сомнения, дни мои сочтены. Потому я и решил рассказать обо всем: о Великом Походе, о Пути к Сокровищам, о Порожденном Золотом Городе, о тех, кого золотой соблазн завлек в Великую Белую Страну, о Зле, которое повелевало ими, о Гарри и о Берне. Может быть, рассказ об этом укрепит мои силы. Завтра я начну, а теперь, ночью, дайте мне уйти в воспоминания.

Берна! Я упомянул о ней. Передо мной встает сейчас ее бледное одухотворенное лицо с огромными серыми, полными тоски глазами, милый трагический невыразимо трогательный образ. Где ты теперь, детка? Я прошел весь мир, чтобы найти тебя. Я вглядывался в миллионы лиц, день и ночь я искал, вечно надеясь, вечно обманываясь, потому что, помоги мне Боже, дорогая, я люблю тебя. В этой обезумевшей жаждущей наживы орде ты была так слаба, так беспомощна и все же так жаждала любви.

С помощью своего костыля я открываю одно из высоких окон и выхожу на террасу. В непроглядной мгле снежинки жалят мне лицо, но и в этой тьме мне вновь видится страна необозримых пространств, безмолвного величия, непостижимого уныния.

Призраки! Они толпятся вокруг меня. Темнота полна ими, среди них Гарри, мой брат. Но вот они исчезают, уступая место одному образу...

* * *

Берна! Моя любовь к тебе вечна! Из сумрака ночи я зываю к тебе, Берна, зовом разбитого сердца. Твой ли это маленький и милый призрак спускается ко мне? О, я жду, я жду. Здесь буду я ждать, Берна, нашей новой встречи. Ибо встретиться нам суждено там, за туманами, за царством грез. Наконец-то, дорогая любовь моя, наконец!

Книга первая

Путь в Неизвестное

Глава I

С тех пор, как я себя помню, я всегда был верен знамени Романтики. Она дала краски моей жизни, превратила меня в служителя грез и вершителя подвигов. Еще мальчиком, одиноко блуждая по поросшим вереском холмам, я часто слышал веселые крики игравших на лугу в мяч, но никогда не присоединялся к ним. Моя радость была полнее, драгоценнее. Я как сейчас вижу себя в те дни маленьким застенчивым мальчуганом в коротких штанах с головой, открытой горным ветрам, с пышущими здоровьем щеками и душой, погруженной в мечты. Я действительно жил в сказочной стране – стране эльфов и водяных, принцесс и блестящих рыцарей. Из каждого черного болота я ждал появления многоглавого дракона, из каждой мрачной пещеры – вещего ворона. На зеленых лужайках между цветов танцевали феи, а каждая роща и водопад имели своего местного духа. Я населял милый зеленый лес нестройными созданиями моей мечты –

нимфами и фавнами, наядами и дриадами и нисколько не был бы удивлен, встретив в тенистой прохладе самого великого бога Пана.

Однако лишь ночью мои грезы достигали наибольшей яркости. Я боролся против тирании сна. Лежа в своей маленькой кроватке, я предавался очаровательной игре воображения. Ночь за ночью я сражался, праздновал триумфы, делил царства. Я изоощрялся в подробностях. Мои суровые полководцы были для меня вполне реальными существами, в мои приключения сливались воедино самые разнообразные исторические эпохи.

Я обладал дивным даром фантазии в те дни. То был крылатый полет чистого детского воображения, для которого несуществующее полно истинного бытия. Но уже вскоре я перешел на следующую стадию моего умственного развития, и место воображения заняли желания. Меня привлекали современные аспекты Романтики, и по мере того, как я все больше проникался действительностью, способность грезить увядала. Как до тех пор я бредил странствующими рыцарями, корсарами и мятежниками, так затем я увлекся ковбоями, золотоискателями и исследователями новых берегов. Воображение мое рисовало картины, в которых я по-прежнему играл выдающуюся роль. Я жадно читал все, что мог найти относящегося к Дикому Западу, и мой затуманенный взор вечно блуждал над серым морем. Я мечтал о приключениях в чужих странах, о грозных опасностях, о геройских по-

двигах. При одной мысли об этом кровь во мне ликовала от восторга, и я едва мог дожидаться дня, когда дорога счастья и приключений откроется для меня.

Как это ни странно, но в эти годы я никому не открывался. Гарри, который был мне братом и самым близким другом, посмеялся бы надо мною с обычным добродушием. Нас трудно было принять за братьев, так различны мы были по характеру и внешности. Это был самый красивый мальчик, какого я когда-либо видел, искренний, светлый и привлекательный, а я был черен, мрачен и ни в ком не вызывал особенного расположения. Он был лучшим бегуном и пловцом в округе и кумиром деревенских парней. Я не любил игр и вечно блуждал в одиночестве где-нибудь в зарослях вереска на холмах, почти всегда с каким-нибудь романом в кармане. Он был умен, практичен, честолобив и прекрасно учился, я же, за исключением тех предметов, которые затрагивали мое воображение, был туп и ленив.

Тем не менее мы любили друг друга, как редкие братья. О, как восхищался я им! Он был моим идеалом и часто героем моих фантазий. Несмотря на свою положительность и благоразумие, он понимал меня, мою кельтскую мечтательность, ту боязливую замкнутость, которая служит щитом впечатлительной душе, и со свойственной ему чуткостью оберегал и ободрял меня. Он был таким ярким, чарующим; он согревал, как весеннее солнце, и освежал, как горный утренний ветер. Он казался мне совершенством – нежность, остроумие, эн-

тузиазм, привлекательность и красота юного бога, все очарование мужественности жило в моем брате.

Так мы росли в этом западном горном краю, и жизнь наша была чиста и сладостна. Я никогда не бывал дальше маленького городка, где мы продавали на рынке наших овец. Мать управляла имением до тех пор, пока Гарри не подрос и не взялся за это с энергией и настойчивостью, которые приводили всех в восторг. Мне кажется, что моя милая мама немножко благоговела перед пылким, талантливым и деятельным братом. Ей также была свойственна задумчивая мечтательность, которая делала ее прекрасной в моих глазах, впрочем, и в действительности она была на редкость хороша собой. Особенно запечатлелся в моей памяти нежный цвет ее лица и глаз, синих, как темные васильки; она не была очень мужественна и находила большую поддержку в религии. Ее прелестный нежный рот всегда сохранял удивительно ласковое выражение; я никогда не видал ее сердитой: всегда кроткой, ласковой, улыбающейся.

Итак, мы были идеальной семьей: Гарри – высокий, светлый, привлекательный, я сам – темный, мечтательный, молчаливый, и между нами, связывая нас узами любви и дружбы, – наша ласковая, нежная мама.

Глава II

Так ясно и безмятежно протекали дни моей юности. Я оставался все тем же мечтателем и лентяем. Целые дни я бродил с ружьем по болоту, удил форелей в пенистых водах ручья или жадно читал в библиотеке. Я поглощал большей частью рассказы о путешествиях и различных приключениях. Стивенсон покори́л мое воображение. Я твердо решил в будущем отправиться на поиски дальних островов, и с этой минуты жизнь моя совершенно изменилась. Девственные прерии манили меня. Шелест гигантских пиний отдавался в моем сердце, но сильнее всего было влечение к тем блаженным островам, где нет забот, где все полно солнечного света и песнопений, где цветет вечное лето.

В то время маме пришлось, наверно, немало беспокоиться о моем будущем. Гарри был теперь молодым хозяином, я же оставался по-прежнему лентяем, бездельником, обузой в хозяйстве. Наконец, я сказал ей, что хотел бы уехать за границу и этим как будто сразу разрешил большое затруднение. Мы вспомнили о двоюродном брате, очень успешно занимавшемся разведением овец в долине Саскачевана. Было решено, что я поселюсь у него в качестве ученика и, подучившись, обзаведусь собственным хозяйством. Можно легко представить себе, что, соглашаясь на эти условия, я твердо решил в душе взять судьбу в собственные руки, как толь-

ко доберусь до Нового Света.

Мне всегда будет помниться пасмурный день в Глазго и туманный ландшафт, мелькавший сквозь залитые дождем стекла вагона. Я находился в необыкновенно приподнятом состоянии. Большой дымный город наполнил меня изумлением, близким к страху.

Я никогда не представлял себе такой толпы, таких домов, такой сутолоки. Мы втроем – мама, Гарри и я – блуждали по улицам и дивились в течение трех дней. Люди оглядывали нас с любопытством, порой с восхищением, ибо наши щеки пылали деревенским здоровьем, а глаза были ясны, как июньские небеса. Особенно Гарри – высокий, белокурый, красивый – всюду привлекал любопытные взгляды. Когда же приблизился час моего отъезда, уныние охватило нас.

Не буду останавливаться на нашем прощании. Если я и предался малодушному горю, нужно помнить, что я до тех пор никогда не покидал еще дома. К тому же я был еще юн, и эти двое были все для меня. Мама отказалась от попыток проявлять мужество и смешивала свои слезы с моими. Одному Гарри удавалось сохранять хоть немного бодрости. Увы! Все мое возбуждение исчезло, и вместо него мной овладело сознание вины, недостойного бегства, и непреодолимая печаль охватила меня.

– Не плачь, милая мама, – говорил я, – я вернусь назад через три года.

– Я уверена в этом, мой мальчик, уверена.

Она посмотрела на меня с бесконечной грустью, и сердце мое внезапно дрогнуло от ужасного предчувствия, что я никогда больше не увижу ее.

Гарри был бледен и спокоен, но я видел, что он глубоко взволнован.

– Этоль, – сказал он, – если ты когда-нибудь будешь во мне нуждаться, дай мне только знать. Я приеду, как бы ни был далек и труден путь.

Я едва смог заставить себя оставить их и подняться на борт парохода. Когда я оглянулся назад, их уже не было видно, но сквозь серый туман ко мне, казалось, доносился еще крик душевной боли и невозвратимой утраты.

Глава III

Была ранняя осень, когда я, стоя по колено в вереске Гленгайла, жадно всматривался в серые морские дали. Прошел лишь месяц, и я очутился, одинокий и бездомный, на берегу, у маяка в Сан-Франциско, глядя на сердитые волны другого океана. Такова романтика судьбы.

Отправленный к своему кузену-овцеводу, я почувствовал, высадившись в чужой стране, очень мало склонности к предназначенному мне призванию. Мой ум, налитый книжными вымыслами, жаждал более яркой деятельности. Я просто бредил приключениями. Ехать вперед наудачу, сталкиваться с явной опасностью, получать удары судьбы, бродяжничать, голодать, спать под звездами – это была все та же упрямая ребяческая мечта, укрепившаяся теперь в мужчине, и она заставила меня вступить в трагический хоровод. Но я был не в силах подавить эту мечту. Слишком силен был во мне цыганский дух. Здоровье и молодость кипели в моих жилах. Несколько потерянных лет, говорил я себе, не могут иметь значения. А тут были Стивенсон и его волшебные острова, манившие меня.

И вот я очутился один на скалистом берегу с тысячью впечатлений, теснившихся в голове, доставленных длинным путешествием по железной дороге с его необычайными картинами: суровыми фермами, мрачными лесами, сверкающими

озерами, которые могли бы затопить всю мою родину, унылыми равнинами, горами, упиравшимися в небо, благоговейным трепетом пустыни. Наконец, солнечный рай – Калифорния.

Я пережил неделю чудес, о каких никогда не мечтал, и находился теперь у самого престола Запада. О, что это была за страна, что за народ! Властолюбивый дух надменного Запада смягчался в нем чарами Востока и волшебством древней Испании. Сан-Франциско! Множество наречий звенели на его улицах, множество рас ютились в его переулках. Он пригревал на своей груди детей старых седых наций и надеялся своим стремительным, изобретательным духом, полным гордого сознания прежних достижений и веры в славное будущее.

Меня поражала кипучая деловитость жителей наряду с любовью к утонченным увеселениям. Казалось, что деньги даются всем легко и тратятся с увлечением. Все казались счастливыми, жизнерадостными, деятельными. Ночью Маркет-стрит превращалась в ослепительную аллею света, на которой толпились сильные мужчины и красивые женщины, входя и выходя из сверкающих ресторанов. Однако среди этой кипучей страстной жизни я чувствовал в себе странную отчужденность. Временами мое сердце просто болело от тоски, и я бродил по дорожкам парка или присаживался на скамью в Портсмут-сквер, такой же далекий от всего этого, как мечтатель на своей горной вершине под звездами.

Я полюбил мечтать на морском берегу, ибо мысль о Полинезии не покидала меня. Я наслаждался солнечным светом, сидя на краю дамбы и бесцельно следя за вялым лавированием судов. То были беззаботные, праздные, но, как я теперь думаю, не совсем потерянные дни. Я оценил всю прелесть этих набережных и погрузился в новый мир волшебства.

Чтобы вполне насладиться своей независимостью, я сделался искателем приключений. Ночная жизнь города была открыта мне. С уверенностью невинности я бродил повсюду. Я проникал в притоны подземного Китайского города, с удивлением встречал там белых женщин, которые скрывались при виде меня. В одиночестве я направлялся в курильни опиума и игорные дома. Порок раскрывался передо мной во всем своем бесстыдстве. Иногда мне приходила мысль: как взглянули бы на все это мои суровые пресвитерианские предки.

Мои ночные похождения закончились совершенно неожиданно. В одну туманную полночь, идя по Пасифик-стрит с ее сверкавшими ресторанами, я получил искусный удар сзади и очень изящно покатился в канаву. Когда я пришел в себя на боковой аллее, ошеломленный и разбитый, я увидел, что у меня украден бумажник, в котором находилось почти все мое состояние. К счастью, я оставил свои часы на хранение в гостинице и, продав их, оказался еще не совсем нищим. Но обстоятельства изгнали меня из моей крепости блистающих грез и столкнули с суровой правдой

жизни.

Я сделался завсегдатаем десятицентовых ресторанов и был поражен, узнав, какие прекрасные блюда можно было получить за десять центов. О, ненавистный аппетит этих черных дней! От голодной смерти меня отделяли какие-нибудь жалкие тридцать долларов. Оставалось, очевидно, только пойти в дровосеки или водовозы, и с этой целью я обивал пороги контор для найма. Это были голые, грязные помещения, набитые людьми, которые жевали, болтали, зевали и изучали черные доски, где выставлялись требования дня. Вся жизнь людей, как мне казалось, складывалась из трех моментов: поисков работы, работы и траты заработков. Это была олицетворенная беспомощность лицом к лицу с неизбежным злом труда.

Однажды утром, посетив одно из своих излюбленных бюро труда, я нашел его завсегдатаев в необычайном волнении: крупный предприниматель требовал немедленно пятьдесят человек. Оплата была два доллара в день, причем квалификация не требовалась. Я протискался вперед в числе других, был опрошен и принят. В тот же день мы все были отправлены на вокзал и погружены в вагоны четвертого класса. О том, куда мы едем и что будем делать, я не имел никакого понятия. Я знал только, что мы направлялись на юг, и в общем, мог с полным правом смотреть на себя, как на ракету, пущенную на волю судьбы.

Глава IV

В день моего отъезда Сан-Франциско был весь окутан серым туманом, а улицы его подметал ревущий ветер. Когда же я открыл глаза, надо мной широко раскинулось синее ясное небо, и ослепительно сияло яркое солнце. Апельсиновые роши шумели, здороваясь с нами, сады миндаля и олив радостно блестели в прозрачном воздухе, чешуйчатые эвкалипты, высокие, сухощавые и узловатые, бормотали нам утреннее приветствие, а белоснежные тонущие в зелени домики улыбались нам, когда мы с грохотом проносились мимо. Мне казалось, что мы попали в обетованную страну песен и солнца, и я молчаливо забился в угол, чтобы любоваться и наслаждаться.

– Недурной видик? Правда?

Я буду называть его Блудным Сыном. Он был приблизительно моих лет, худощавый, но загорелый и здоровый. У него были шелковистые волосы темно-рыжего цвета и белые ровные, как молодое зерно, зубы. В его глазах блестел веселый огонек, но лицо его было пронизательное, осторожное и дерзкое.

– Да, – ответил я сдержанно, ибо всегда был настороже с незнакомцами.

– Чудное дельце. Пояс бананов. Старина солнце работает сверхурочно. Цветы и фрукты выпирают из дерева в од-

но время. Вечное лето. Страна изобилия: угощайтесь на дармовщинку. Первый раз?

– Первый.

– Я тоже. Рад, что поехал – даже если придется обратиться в «ваши грубые мозолистые руки». Есть самокрутка?

– Нет, к сожалению. Я не курю.

– Ладно, кажется, у меня хватит.

Он вытащил тощий кисет с мелким табаком, высыпал несколько крошек на коричневую папиросную бумагу и проворно скрутил ее, загнув края. Затем он закурил с таким наслаждением, что я позавидовал ему.

– Куда мы едем? Вы имеете понятие? – спросил я.

– Хоть зарежьте меня, не имею. Дядя, который нас везет, совсем не похож на бесплатное справочное бюро. Как слона водить, он тут как тут, но как только попытаешься извлечь из него хоть на грошик холодных сухих фактов, он уже не он и лошадь не его, и сам он не извозчик.

– Но, – настаивал я, – может, вы сами догадываетесь?

– Одну вещь вы можете зарубить себе на носу. Они выжмут из нас последнюю каплю пота. Это игра в блошки: нас швыряют, как хотят. Наш подрядчик форменный мошенник. Он на всем наживается: на проезде нашем, на остановках в определенных гостиницах свой процент имеет. Чем дальше, тем больше будет жульничества. Пять долларов в неделю считают нам за харчи. Им обойдется в два с половиной, да еще и кормить будут дрянью. Сгонят вдвое больше людей,

чем им нужно, и половину снимут с работы. Я хорошо знаю их штуки.

– Так зачем вы поехали с нами, если вы так хорошо все знаете? – спросил я.

– Видите ли, если я знаю это, то я знаю и еще кое-что кроме этого. Я сам с усами. С меня как с гуся вода.

Он говорил удивительно живо и с таким огромным знанием жизни, что глубоко заинтересовал меня. Однако в его речах проскальзывали некоторые намеки на интеллигентность, и я несколько не сомневался, что его грубость была напускной. Как выяснилось потом, он был во многих отношениях более сведущ, чем я – мальчик, проходящий подготовительный курс в школе Сурового Случая.

Так как лед между нами был уже сломан, я рассказал ему свою несложную жизнь. Он слушал внимательно и сочувственно.

– Послушайте, – сказал он серьезно, когда я кончил, – я груб и резок в обращении. Жизнь для меня потеха, вроде маскарада, и я худший из ряженных. Но я знаю, как мне вести себя, и прекрасно умею прокладывать себе дорогу. Вы еще зелены, если вы позволите мне так выразиться, и может статься, что я смогу немного помочь вам. Вы, кстати, единственный пришли к мне по вкусу из всей этой команды бродяг. Давайте будем товарищами.

Он нравился мне, и я с радостью согласился.

– Ну а теперь я пойду поваляю дурака с другими парнями.

Тепленькая компания? Что вы скажете? Цветные джентльмены, славяне, поляки, итальянцы, шведы. Пойду поразведую, нельзя ли чем-нибудь поживиться.

Он подошел к ним с ворохом необыкновенных словечек, открытой улыбкой, готовой шуткой и было ясно, что он скоро сделается общим любимцем. Я завидовал легкости его общения; мне ее так не доставало.

– Скажите-ка, товарищ, нет ли у вас денег?

В нем было столько искренности и убедительности, что я немедленно извлек несколько оставшихся у меня долларов и выложил их перед ним.

– Вот все мое богатство, – сказал я, улыбаясь.

Он разделил деньги на две равные части и вернул одну мне. Относительно другой он заметил:

– Мы сочтемся с вами после.

И ушел с моими деньгами. Ему, казалось, не приходило в голову, что я мог бы не согласиться. Я же со своей стороны был слишком рад доказать ему свое доверие. Несколько минут спустя я увидел его с тремя отчаянными типами. Они играли в покер. «Прощайте, мои денежки, – подумал я. – Волки окружили овцу». Я был огорчен за своего нового друга и утешался только тем, что он не может проиграть.

Мы подъезжали к Лос-Анджелесу, когда он подошел ко мне. К моему удивлению, он вытащил из карманов кучу смятых бумажек и блестящего серебра долларов на двадцать и, разделив деньги поровну, протянул половину мне.

– Вот, – сказал он, – опустите это в ваши недра.

– Нет, – возразил я, – отдайте мне только то, что взяли.

Мне больше ничего не следует.

– Плюньте на это. Вы выручили меня, и это ваше. Эти архаровцы приняли меня за пижона. Решили, что меня легко ошипать. Но я забыл больше, чем они когда-либо в жизни знали, а я не так уж много забыл.

– Нет, пожалуйста, оставьте эти деньги себе, я не хочу их.

– Ну, полно, спрячьте вашу шотландскую щепетильность в карман. Возьмите деньги.

– Нет, – повторил я с упорством.

– Послушайте, наше товарищество должно быть основано на полном равенстве. Если вам не по вкусу мои ворота, так и не вешайтесь на них.

– Я и не собираюсь, – резко ответил я и отвернулся.

Глава V

Дорога тянулась среди крутых холмов, покрытых зеленью и золотом. Над ними высилась цепь снежноглавых гор, а наверху сияло небо, синее, как яйцо реполова. Прелестное утро наполняло радостью наши сердца, когда мы поднимались вверх по лощине. Воздух опьянял нас. Мы пришли в шумный восторг при виде пасеки и проводили громкими криками упряжку мулов с звенящими бубенчиками, с грохотом промчавшуюся по дороге. С восторженными криками мы перешли вброд маленький прозрачный ручей. Мы проходили милю за милей, взбираясь все выше и выше, с мешками за спиной и с радостью в сердце. Я был счастлив, как школьник в праздничный день, и мечтал лишь о том, чтобы так продолжалось вечно; я старательно отгонял суровый образ труда, который ждал нас.

Около полудня мы достигли цели. Всюду бродили рассеянные группы людей, которые рвали и ломали склоны горы. Слышался грохот взрывов, и скалы срывались вниз – казалось, прямо на нас. Бараки из неотесанного леса прели на солнце. Всюду чувствовалась лихорадочная деятельность рабочего лагеря.

Нам отвели отдельный барак, причем произошла энергичная свалка из-за мест. Барак был без пола, без дверей и отчасти без крыши. Среди гула голосов я различил голос Блуд-

ного Сына:

– Эй, ребята, какое тут помягче местечко на этих досках? Ну до чего же предусмотрительны наши предприниматели! Все виды вентиляции в этом бараке! Прекрасно приспособлено для занятий астрономией. Гм, где бы это раздобыть все-таки матрац? Ага! Есть идея! Подождите-ка, ребята.

Мы увидели, как он побежал к находившемуся вблизи навесу, где стояли лошади, после тщательной разведки ринулся внутрь и через минуту вышел, пошатываясь под ворохом сена.

– Что? Плохой матрац? Эх, мало только захватил.

Он начал устилать свои нары сеном под завистливыми взглядами остальной компании.

Услыхав звон колокола, он остановился:

– Кормежка готова. Последний звонок в вагон-ресторан. Пойдем-ка, посмотрим, как свиньи засунут рыла в корыто.

Мы устремились в кухонный барак, где на простых дощатых столах были приготовлены оловянные тарелки, оловянные ложки, оловянные кружки и железные ножи. Посреди стола было большое блюдо с рубленным мясом и все, кроме меня, жадно принялись за еду. Я предпочел кружку меда и несколько сухих бисквитов.

Вернувшись в барак, я увидел, что мои нары устланы славным мягким сеном, а сверху разостлано одеяло. Я оглянулся на Блудного Сына. Он лежал и читал, держа тонкую папиросу в желтых пальцах. Я подошел к нему.

– Это очень мило с вашей стороны, – сказал я.

– Полно. Такие пустяки, – ответил он с изысканной вежливостью, не отрывая глаз от книги.

– Как хотите, – сказал я. – Я только хотел поблагодарить вас. Послушайте, давайте покончим с этим. Не стоит ссориться из-за этих проклятых денег. Не можем ли мы все-таки быть друзьями?

Он вскочил и схватил мою руку:

– Конечно. Я только этого и хочу. В следующий раз я приму во внимание вашу воспитанную на кратком катехизисе щепетильность. А теперь пойдемте поболтать к костру.

Мы уселись у потрескивавшего костра из хвороста, шалея и каменного дуба, и под дружелюбное мерцание звезд он рассказал мне много приключений из своей бродячей жизни.

– Мой старик, знаете ли, обломал себе все зубы об меня. Все хотел, чтобы я перестал валять дурака. У него фабрика клея в Массачусетсе. Кажется, он посадил в нее миллион или что-то в этом роде. Он хотел, чтоб я поступил на фабрику, вник бы в дело и остался бы в нем. «Держись клея, – говорил он, – будешь королем клея». Но с маленьким Вилли это не прошло. Жизнь слишком любопытная задача, чтобы так просто решить ее. Я не раскаиваюсь. Я знаю, что упитанный телец ждет меня дома и тучнеет с каждым днем. В один прекрасный день я вернусь и слопаю его.

От него я впервые услышал о Великой Белой Стране, и было странно, до чего глубоко его рассказ взволновал меня.

– Все помешались теперь на ней и устремляются туда тысячами, чтобы попасть к началу зимы. Будущей весной там будет сутолока, какой еще не видел мир. Послушай, шотландчик, у меня есть величайшее желание переметнуться туда. Поедем, брат, вместе? У меня был когда-то товарищ, который побывал там. Это огромная мрачная суровая страна, но в ней есть золото. Меня преследует это нежное, сияющее, девственное золото в уединенных реках, где нет никого, чтоб овладеть им. Мне наплевать на его ценность. Я могу сделать все, что мне нужно, из клея. Но приключения, возбуждение – вот что сводит меня с ума.

Он долго молчал; воображение рисовало мне грозный чарующий образ этой огромной, непробудной страны, и во мне просыпалось страстное желание бросить вызов ее теням.

Когда мы прощались на ночь, его последними словами было:

– Помни, шотландчик, дело решенное: мы вливаемся в великое движение.

Глава VI

Я спал беспокойно, потому что свежий ночной воздух пощипывал, а барак был открыт, как клетка. Утро было веселое, и солнце славно согрело меня, так что к завтраку я пришел в веселое настроение. Затем я начал присматриваться к работе артели и проявил такое неблагоприятное любопытство, что в тот же полдень был поставлен на работу. Дело было очень простое. В горе был вырыт туннель, который теперь цементировался, и мы должны были толкать тачки с материалами от входа до места работ. Моим товарищем был швед, с детства привыкший к тяжелой работе, а я не знал в жизни ни одного рабочего дня. Все мои силы ушли на то, чтобы поднять на тачку нагруженные цементом ящики. Затем мы оставили за собой солнечный свет и на протяжении четверти мили в темноте, надрываясь, тащились в гору. Мы должны были сгибаться, чтобы не задеть головами свода, с которого струилась вода. Тяжелая тачка то и дело сходила с рельсов, уложенных на негодные, стертые от постоянного трения, шпалы. Тогда мой швед впадал в неистовую ярость, и мы поднимали тачку, напрягаясь изо всех сил, пока жилы на лице не грозили взорваться. Никогда время не тянулось так медленно. Каторжник, работающий в соляных копиях Сибири, никогда не возмущался своей работой больше меня. Пот слепил, острая пронизывающая боль сверлила голову,

сердце стучало, как молот. Никогда в жизни не чувствовал я такого облегчения, как в ту минуту, когда, окончив последний рейс, измученный и ошеломленный, я надел свою куртку, чтобы идти домой. Было темно. Туннель соединялся с лагерем канатом, по которому мы могли спускаться в бадьях, по двое зараз. При спуске я испытал отвратительное ощущение, но зато избежал десятиминутного спуска пешком по склону горы, чему был очень рад.

Вернувшись в барак усталый, мокрый и грязный, от всей души позавидовал я Блудному Сыну, тепло и уютно устроившемуся на своем ароматном сене. Он читал роман. Но мысль, что я заработал доллар, подкрепляла меня. После ужина он с Имбирем и Голландцем играли в карты почти до полуночи, в то время как я лежал на своей скамье, слишком усталый и измученный, чтобы заснуть.

Следующий день был повторением предыдущего, только еще хуже. Все мое тело болело, как будто я был избит. Помертвевший и совершенно больной, я потащился опять к туннелю. Я поднимал, надрывался, тащил, толкал с остановившимся искаженным лицом. Пять часов ада миновали. Был полдень, я поел. Я сердито уговаривал себя и снова прошел через ад. Пошабашив, я спустился по канату, усталый, бессильный, весь в грязи. Уютно расположившись на нарах, Блудный Сын прочел еще двести страниц «Отверженных». Все же, не без горечи подумал я, я заработал два доллара.

На третий день одно лишь упорство заставило меня пой-

ти в туннель. Самолюбие подстрекало меня. Я не сдамся. Я должен выдержать это испытание во что бы то ни стало. В полдень мне сделалось дурно, но никто не заметил этого, и я, стиснув зубы, снова начал подталкивать изо всех сил свою тяжелую тачку. Снова ночь застала меня ожидающим очереди для спуска в бадье.

Вдруг снизу раздались треск и крики: «Канат оборвался!» Мой швед и другой рабочий лежали между камней с сильными повреждениями. Несчастные! Как они должны были страдать, трясясь затем по усыпанной валунами тропинке, что вела к госпиталю.

Это происшествие сильно подействовало мне на нервы. Напрасно я бранил себя и осыпал упреками. Я скорее согласился бы просить милостыню, чем пойти еще раз в туннель. Весь мир казался мне разделенным на две половины: туннель и все остальное. Я больше не должен идти туда.

Блудный Сын окончил одну книгу и начал другую. В эту ночь он занял у меня немного денег для игры в карты.

На другой день я подошел к заведующему и заявил ему:
– Я ухожу. Эта работа слишком тяжела для меня.

Он ласково посмотрел на меня:

– Ладно, сынок, не уходи, я пристрою тебя в песочную яму.

И действительно, на другой день мне нашли более подходящую работу. Нас было четверо. Мы кидали песок на решето. Мелкие просеянные части шли на выработку цемента.

та. Работа была удручающе однообразна. Мы отправлялись в яму по щиплющему утреннему холоду задолго до того, как солнце показывалось из-за гор. Мы следили за тем, как оно ползло подобно улитке по девственному небу. Мы задыхались в его зное. Мы видели, как оно исчезало снова за горными хребтами, оставляя небо великолепно окрашенным всеми цветами, начиная от пламенно оранжевого до льди-сто-бледно-зеленого. Позднее, когда снова на мир сползали холод и мрак, при свете вечерних звезд мы выпрямляли наши усталые спины и, отбросив в сторону кирку и лопату, отправлялись ужинать.

Эх-ма! Что это была за жизнь! Работа, еда, сон. Отрицательные удовольствия превратились в положительные. Великий жизненный принцип восстановления сил спасал нас, и спокойный отдых с номером старой газеты в руках казался нам изысканным удовольствием.

Меня беспокоил Блудный Сын. Он жаловался на мышечный ревматизм и выползал только к трапезам, в остальное время не покидая своих нар. Каждый день являлся надсмотрщик и с беспокойством справлялся, не собирается ли он выйти на работу, но больному с каждым днем делалось все хуже. Однако он переносил свои страдания очень бодро и среди этого неопишуемого сброда казался олицетворением радости и света, отголоском того мира, к которому некогда принадлежал и я. Его прозвали в насмешку «счастливи-ком», так неизменно было его хорошее настроение. При каж-

дом удобном случае он играл в карты, и ему, должно быть, не везло, так как он взял у меня последние остатки моего маленького капитала.

Однажды утром, проснувшись около шести часов, я нашел приколотой к своему одеялу записку от моего друга:

«Дорогой шотландчик, мне очень тяжело покинуть тебя таким образом, но жестокий надсмотрщик настаивает на том, чтобы я отработал свои десятидневные харчи и для меня, измученного страданиями, не остается другого выхода, кроме бегства. Поэтому я снова погружаюсь в неизвестное. Буду писать тебе до востребования в Лос-Анджелес. Счастливого оставаться. Желаю удачи.

Твой до гроба Счастливчик».

Поднялась суеда и крик. Но он исчез, и внезапное отвращение к этому месту овладело мной. Я проработал еще два дня, охваченный унынием, которое возрастало с каждой минутой. Внутренний голос властно требовал перемены. Я не хотел допустить, чтобы работа раздавила меня. Я обратился к старшему надсмотрщику.

– Почему вы хотите уйти? – спросил он с упреком.
– Видите ли, работа слишком однообразна.
– Однообразна? Ну, знаете, это самый странный предлог для расчета, который я когда-либо слышал. Впрочем, каждому виднее его дела. Я дам вам расчет.

Пока он считал, я задумался о том, действительно ли мои

дела были мне виднее. Но будь это даже величайшим безумием, я бы, не колеблясь, покинул ущелье.

Бережно неся в руке клочок бумаги – цену моего труда, – я отыскал одного из хозяев, язвительного, жесткого человека, страдающего дурным пищеварением. С ядовито-ласковой улыбкой он возвратил ее мне:

– Прекрасно, предъявите это в нашу контору в Окленде, и вы получите деньги.

Я стоял в ожидании денег, своего первого так тяжело доставшегося заработка и, услышав это, взглянул на него с оборвавшимся сердцем. Ведь до Окленда несколько сот миль, а я был без гроша.

– Не могли бы вы заплатить мне здесь? – пробормотал я наконец.

– Нет, – ядовито ответил он.

– Тогда не можете ли вы учесть мне эту квитанцию?

– Нет! – еще более ядовито.

Я повернулся и вышел, унылый и подавленный. Когда я рассказал об этом остальным товарищам, они очень возмутились и сильно обеспокоились за свой собственный счет. Я послал самое выразительное проклятие, какое только мог придумать, по адресу правления и, привязав за спину свой узел, пошел.

Глава VII

Я начинал приобретать опыт. Утро распускалось, как роза, когда я спускался по ущелью, и бодрость моя непрерывно возрастала. То была радость широкого вольного пути и беззаботного сердца. Как отвратительный кошмар вставало воспоминание о туннеле и песочной яме. Вся кровь во мне ликовала, мои мускулы напрягались от гордого сознания своей мощи. Я вызывающе дерзко смотрел на мир. Торопясь скорее добраться до апельсиновых рощ, я вдруг наступил на пакет, лежавший на тропинке. Я рассмотрел его содержимое и нашел в нем планы с подробными указаниями, относившиеся к оставленной мною работе. Вскоре я встретил всадника, который задержал лошадь около меня.

– Послушайте, молодой человек, не попался ли вам на дороге голубой конверт?

Что-то в обращении этого человека мгновенно вызвало во мне раздражение. Я был рабочим в испачканной грязью одежде, а он надменным и заносчивым барином в костюме из прекрасного сукна и в тонком белье.

– Нет, – ответил я резко и пошел дальше, прислушиваясь к топоту его лошади, поднимавшейся по ущелью.

Смеркалось, когда я достиг прекрасной обширной равнины. Позади меня было ущелье, мрачное, как логовище дикого зверя, а передо мной солнечный закат, превращавший до-

лину в море расплавленного золота. Я стоял, как странствующий рыцарь у порога волшебной страны, где жила принцесса моих грез. Но увидел я лишь человека, поднимавшегося по тропинке. Он, пошатываясь, плелся восвояси с живым индюком и плетеной бутылкой красного вина под мышкой. Он предложил мне выпить. Он был похож на рождественского деда и говорил с шотландским акцентом, так что я довольно охотно разделил с ним бутылку вина. Затем он пожелал, чтобы мы спели рождественский гимн.

И вот среди вереска, в золотой пляске света, мы сплели наши руки и слили голоса, как двое безумных. Но так как это был Рождественский сочельник, то поведение наше, в общем, не было уж так безрассудно.

Добравшись, наконец, до апельсиновой рощи, я бросился к первому дереву и сорвал четыре самых крупных плода. Они были еще зеленые и ужасно кислы на вкус, но я не обратил на это внимания и съел все. Затем я двинулся дальше.

Когда я вошел в город, мое настроение сразу упало при мысли о том, что я был без гроша. Я не умел еще легко переносить безденежья. Тем не менее я вытащил свой чек и, войдя в гостиницу, спросил хозяина, не разменяет ли он его. Это был немец с приветливым лицом, которое, казалось, говорило: «Добро пожаловать!», в то время как холодные похожие на бусинки глазки допытывались: «Сколько мне удастся извлечь из вашего кармана?» Я запомнил его глаза. «Нет, я не берет это. Меня уже раньше обмануль. О, майн гот! Ни за

что! Убирайт это».

Я опустился на стул. Уловив в зеркале свое отражение, я не узнал себя в этом измученном парне с провалившимися щеками и утомленным лицом.

Ресторан был полон посетителями, собравшимися для встречи Рождественского сочельника. Гусей разыгрывали в кости. Трое из них гоготали на полу, в то время как в углу извозчик и какой-то рыжеволосый человек разыгрывали одного из них. Я спокойно дремал. Из-за стойки до меня долетели обрывки разговора: конверт... потерянные планы... большая задержка. Вдруг я выпрямился, вспомнив о найденном мной пакете.

– Вы ищете потерянные планы? – спросил я.

– Да, – поспешно отозвался один из говоривших. – Вы нашли их?

– Я не сказал этого. Но если бы я достал их для вас, не согласились бы вы разменять мне этот чек?

– Конечно, – ответил он. – Услуга за услугу. Верните мне пакет, и я разменяю ваш чек.

У него было открытое, приветливое лицо. Я вытащил конверт и протянул его ему. Он быстро просмотрел содержимое и убедился, что все было цело.

– Ха! Это избавит меня от путешествия в Сан-Франциско, – сказал он с облегчением.

Он повернулся к стойке и приказал налить вина для всех. Пока они чокались с ним, он, казалось, совершенно забыл

обо мне. Я подождал немного, затем подошел к нему с чеком.

– Вот еще! – сказал он. – Я и не собираюсь разменивать вам его. Я пошутил.

Жгучая злоба охватила меня. Я задрожал, как лист.

– Вы отказываетесь от своего слова? – сказал я.

Он смутился:

– Я никак не могу этого сделать. У меня нет свободных денег.

Не знаю, что бы я сделал или сказал, ибо я был близок к отчаянию. Но в это время кучер дилижанса, упоенный своей победой в кости, выхватил бумажку из моих рук.

– Так и быть, я разменяю его. Но я дам вам только пять долларов.

Чек был на четырнадцать, но я был так подавлен в эту минуту, что с радостью взял золотой в пять долларов, который он вынул, чтобы соблазнить меня.

Таким образом мое благосостояние было восстановлено. Было уже поздно, и я попросил у немца комнату. Он ответил, что все занято, и предложил мне на ночь славный сухой сарай за домом. Но, увы, в нем жили также его цыплята. Они приютились как раз над моей головой, а сам я лежал на грязном полу, отданный на съедение бесчисленным блохам. В довершение всех бед зеленые апельсины, которые я съел, вызвали у меня смертельные схватки в желудке.

Я был воистину счастлив, когда, наконец, забрезжил день, и я снова очутился на ногах с лицом, обращенным к Лос-

Анджелесу.

Глава VIII

Лос-Анджелес навсегда вписан золотыми буквами в мои воспоминания. Угрюмый, несчастный, истерзанный когтями труда, я наслаждался радостью жизни, свободной и праздной. Я помню бездну света и тишину публичной библиотеки, в открытые окна которой вливалось благоухание магнолий. Жизнь была невероятно дешева. За 75 центов в неделю я снимал маленькую залитую солнцем мансарду, а за 10 центов мог обильно пообедать. Так, читая, мечтая и блуждая по улицам, я проводил дни в состоянии блаженства.

Но и пяти долларов не может хватить навеки. Настало время, когда передо мной снова встал суровый призрак необходимости труда.

Я должен признаться, что не чувствовал уже никакой склонности к тяжелой работе, хотя все же делал попытки получить ее. Однако у меня был непокладистый нрав, застенчивый и гордый в одно и то же время, и больше одного грубого отказа в день я не мог вынести. Мне не хватало самоуверенности, с которой легко находят занятие, и я еще раз смешался с мягкотелым сбродом, наполняющим конторы для найма.

На свой последний доллар я жил целый месяц. Не всякий проделал такое в жизни, хотя это и не столь мудрено. Вот как я оборачивался: во-первых, я предупредил старушку, кото-

рая сдавала мне комнату, что не смогу заплатить ей раньше, чем найду работу, и дал ей в залог свои одеяла. Оставался вопрос питания. Я разрешил его, покупая ежедневно на пять центов черствого хлеба, который съедал в своей комнате, запивая его чистой ключевой водой. Немного воображения, и мой хлеб превращался в мясо, а вода в вино. Для ужина существовали собрания евангельской проповеди, на которых мы за вечер успевали прокричать во все горло с сотню гимнов, за что получали кружку кофе и ломти хлеба. Как вкусен казался ароматный кофе и как мягок был белый хлеб!

В конце третьей недели я получил место сборщика апельсинов. Работать приходилось на длинных лестницах, приставленных к осыпанным пышными плодами деревьям. В ярких солнечных лучах под шелест листьев расхищалось золото ветвей, и ящики наполнялись плодами. Я не знаю более приятной работы. Я наслаждался ею. Остальные рабочие были мексиканцы; меня прозвали «Эль Гринго», хотя я зарабатывал в среднем только 50 центов в день. Однажды, когда плодов было особенно много, я заработал 70 центов. По всей вероятности я бы удовольствовался этим, так нравилась мне эта работа на высоких лестницах в солнечном царстве древесных верхушек, но она прекратилась сама собой. Я был теперь крупным капиталистом, считая на центы. Подсчитав свои сбережения, я насчитал 495 центов и почувствовал себя настолько обеспеченным, что решил предаться своей страсти к путешествиям. Поэтому я купил билет в Сан-Диего и

снова направился на юг.

Глава IX

Несколько дней в Сан-Диего свели мой маленький капитал на нет. Однако я с легким сердцем повернул снова к северу и направился по шпалам в Лос-Анджелес. Колея тянулась вдоль берега океана на много звонких миль. Величественные волны катились, длинные и ровные, как бы проведенные по линейке, и с грохотом разбивались о песчаный берег. Я видел великолепные закаты и чарующие бури с вонзенными в небо кинжалами зарниц. По ночам я строил маленькие хижинки из негодных шпал и зажигал костры из страха перед ползучими существами, которых видел днем. Койоты были на ближних холмах, тревожные шорохи раздавались в зарослях шалфея. Мои зубы стучали от холода и не давали мне заснуть, пока я не подвязывал подбородок платком. Промокая ночью от росы, полумертвый от голода и измученный ходьбой, я, казалось, с каждым днем делался все выносливей и крепче. Я не колебался в выборе между рабством и бродяжничеством. Придя в Лос-Анджелес, я первым делом пошел на почту. Там ждало меня письмо из Нью-Йорка от Блудного Сына с четырнадцатью долларами, которые он был мне должен. Письмо гласило:

«Я вернулся под отеческий кров, устав от своей роли. Упитанный телец ждал меня; тем не менее, я опять тоскую по презренному свиному месиву. Жди меня в Фриско в кон-

це февраля. Я сообщу тебе замечательный план. Будь непременно. Мне нужен товарищ, и я хочу, чтобы это был ты. Жди письма до востребования».

Нельзя было терять время, ибо февраль подходил уже к концу. Я взял билет для проезда на палубе до Сан-Франциско и решил впредь изменить свой образ жизни. Ведь так легко было опуститься на дно. Я уже находился среди подонков, превратясь в отверженного. Я сознавал, что без друзей и связей не добьюсь ничего, кроме самой неблагоприятной работы. Конечно, я мог бы еще побарахтаться, но ради чего? Уютная ферма на северо-западе ждала меня. Я заработаю себе на дорогу и приеду туда в приличном виде. Тогда никто не узнает о моем унижении. До сих пор я был упорен и глуп, но зато научился кое-чему. Люди, которые трудились, нуждались и страдали, были ласковы и отзывчивы ко мне; их господа были подлы и жестоки. Везде велась та же низкая борьба за доллар. При моих взглядах и воспитании меня ждало только разочарование и поражение. С меня было достаточно всего этого.

Глава X

Уплатив за проезд на пароходe до Сан-Франциско, я убедился, что разорен дотла. Я был положительно жалок и буквально доведен до крайности, ибо мои сапоги благодаря длинным путешествиям пешком едва держались на ногах. Никакого письма на мое имя не было; и от разочарования или от крайней нищеты я почувствовал, что совершенно лишился мужества. В таком виде я не решался просить работы. Итак, я потуже стянул свой пояс и уселся на Портсмут-сквер, упрекая себя за то, что легкомысленно растратил так много денег. Прошло два дня, а я все еще стягивал свой пояс. За это время я съел только одно блюдо, которое заработал, очистив полмешка картофеля для ресторана. Я ночевал на полу в пустом доме.

Однажды, когда я по обыкновению дремал на своей скамье, кто-то окликнул меня:

– Послушайте-ка, молодой человек, у вас очень изнуренный вид.

Я увидел пожилого седого господина.

– Вовсе нет, – ответил я, – это только комедия; я переодетый миллионер и изучаю социологию.

Он подошел ближе и подсел ко мне:

– Полно, мальчик, вы порядком приуныли и растерялись. Я наблюдаю за вами уже два дня.

– Два дня? – повторил я мрачно.

Мне они показались двумя годами. Затем мною овладела внезапная горячность:

– Я чужой для вас, – сказал я. – До сих пор я никогда не пытался брать взаймы. Я знаю, что будет слишком смело просить вас поверить мне, но вы сделаете христианское дело. Я умираю с голода. Если у вас есть десять центов, которые вам не нужны, одолжите их мне. Я выплачу их вам, хотя бы я должен был отрабатывать их десять лет.

– Ладно, – сказал он весело, – пойдем закусим.

Он повел меня в ресторан и заказал обед, от которого голова моя закружилась. Я был близок к обмороку, но после небольшого количества бренди почувствовал себя в силах справиться с пищей. Пока я добрался до кофе, я опьянел от еды, как от вина. Только тут я воспользовался случаем, чтобы рассмотреть своего благодетеля.

Он был скорее среднего роста, но такой плотный и коренастый, что сразу производил впечатление человека, с которым следует считаться. У него была смуглая кожа, как у индейца, а ясные голубые глаза ярко сияли радостью, как бы от внутреннего света. У него был твердый рот и решительный подбородок, и все лицо представляло странную смесь добродушия и неумолимой твердости. Теперь он рассматривал меня самым добродушным образом.

– Чувствуешь себя лучше, сынок? Ладно, продолжай дальше в том же духе и Расскажи мне о себе столько, сколько

тебе захочется.

Я рассказал ему все, что случилось со мною с тех пор, как я высадился в Новом Свете.

— Эх! — воскликнул он, когда я кончил. — Вот главный недостаток всех ваших молодцов из Старого Света. Вам не хватает выдержки и умения довести дело до конца. Вы идете к хозяину и докладываете ему, что, собственно, не умеете ничего делать, но будете стараться изо всех сил. Американец говорит: «Я умею все, дайте мне только работу, и я докажу вам это!» Ясно, кого возьмут? Ну, я думаю, что смогу вас устроить помощником садовника на Аландской дороге.

Я выразил свою благодарность.

— Полно, — отвечал он, — я рад, что по милости Божьей был избран орудием помощи для вас. Вы можете остановиться у меня, пока что-нибудь не наладится. Через три дня я уезжаю на север.

Я спросил его, не направляется ли он на Юкон.

— Да, я намерен присоединиться к этому безумному стремлению в Клондайк. За последние двадцать лет я изрыл вдоль и поперек Аризону и Колорадо, и теперь хочу посмотреть, не найдется ли на севере участка и для меня.

Дома он рассказал мне всю свою жизнь.

— Я был скверным человеком, но спасся милостью Божьей. Я прошел через все, начиная от мэрства до содержания игорного притона. В течение двух лет я погибал, готовясь каждую минуту получить свой пропуск в ад.

– Не убили ли вы кого-нибудь? – осведомился я.

Он зашагал назад и вперед по комнате.

– Слава богу – нет, но я мог застрелить... Было время, когда я мог выстрелом из ружья вогнать гвоздь в стену. Я был ловок, но вокруг было много таких, которые могли дать мне сто очков вперед. На вид это были смирные люди. Трудно было подумать о них дурное. Смирные-то и были худшими. Обходительные, ласковые, приветливые, за бутылкой в ресторане они не знали удержу и страха, и каждый из них имел по дюжине зарубок на своем ружье. Я знал многих из них, якшался с ними; это были самые утонченные люди в стране, готовые отдать последнюю рубашку за друга. Они понравились бы вам, но, слава господу, я теперь спасенный человек.

Я был глубоко заинтересован.

– Я знаю, что мне не следует так говорить. Это все прошло теперь, и я познал всю скверну своих путей, но иногда хочется поболтать. Я Джим Хоббард, известный под кличкой Блаженный Джим. Одно время я играл в карты и пил запоем. Однажды утром я встал из-за карточного стола после тридцатишестичасовой игры. Я проиграл пять тысяч долларов. Я знал, что они облапошили меня, как индюка, и принял свои меры. Ладно же, сказал я себе, буду мошенничать и я. Я научился играть мечеными картами и мог вскоре назвать любую карту с японцем и китайцем в качестве партнеров. Они были проворнее белых и обладали большой выдержкой. Выиграть деньги было мне так же легко, как отнять леденец у

ребенка. Иногда я играл вполне честно. Никто не может вести сильную игру, не выдав себя. Иногда это лишь вздрагивание ресниц, иногда колебание ноги. Я изучал одного человека месяц, пока подметил признак, предавший его. Тогда я начал все больше и больше подогрывать его, пока пот не выступил у него на лбу. Он был моей добычей. Я пошел по следам человека, который ограбил меня, и превзошел его. Ну-ка, стасуйте эту колоду.

Он вытащил из ящика кучу карт.

– Я никогда не вернусь к прежнему ремеслу. Я спасен, я верю в Бога, но для забавы стараюсь не забывать свое искусство.

Разговаривая со мною, он стасовал колоду несколько раз.

– Ну, я сдаю. Что вы хотите? Трех королей?

Я кивнул. Он сдал на четыре руки. В моей сдаче очутились три короля. Открыв другую, он показал мне трех тузов.

– У меня давно не было практики, – сказал он, как бы извиняясь. – Руки огрубели. Прежде я следил за тем, чтобы они были мягкими, как бархат.

Я вошел в милость даже у тех, кто обобрал меня. Нужно было выбирать между тем, чтобы глотать самому или быть проглоченным другим. Я предпочел следовать за хищниками. Никогда не платил я добром человеку, причинившему мне зло. Конечно, теперь дело обстоит иначе. Добрая Книга говорит: плати добром за зло. Я надеюсь следовать этому, но не советую никому искушать меня. Я, пожалуй, мог бы

забыть.

Тяжелая выдающаяся челюсть выдвинулась вперед, глаза загорелись необузданной свирепостью, и человек внезапно стал похож на тигра. Я с трудом верил своим глазам; но через минуту передо мною было прежнее веселое, добродушное лицо, и я решил, что глаза обманули меня. Не знаю, сказала ли во влечении к нему моя положительная пуританская наследственность, но мы сделались большими друзьями. Мы беседовали о многом, но больше всего я любил слушать рассказы о его молодости. Это было похоже на роман. Ребенок, выброшенный на улицу, чистильщик сапог в Нью-Йорке, бродяга в лесах Мичигана, наконец, рудокоп в Аризоне. Он описывал мне долгие месяцы, проведенные в необитаемых степях в обществе одной только трубки, когда он разговаривал сам с собой у огня, чтобы не сойти с ума. Он рассказал мне о девушке, на которой был женат, которую боготворил, и о человеке, разрушившем его очаг. При этом на лице его снова появилось выражение тигра и так же молниеносно исчезло. Он рассказал мне о своей беспутной жизни:

– Я всегда был бесстрашным забиякой и никогда не встречал человека, который мог бы победить меня в силе и ловкости. Я был необыкновенно худощав и гибок, как кошка, но больше всего помогало мне в борьбе мое неистовство. Я превращал человеческие физиономии в желе. В те дни все сходило. Затем, по мере того, как вино начало овладевать мною, я делался все хуже и хуже. Было время, когда я соби-

рался ограбить банк и застрелить человека, который пытался остановить меня. Слава богу, я познал скверну моих путей в жизни.

– Вы уверены, что никогда не вернетесь к прежнему? – спросил я.

– Никогда! Я переродился: не курю, не пью, не играю и вполне счастлив. Вино влекло меня. Я посадил себя на три месяца на воду, но днем и ночью, где бы я ни был, стакан виски стоял неотступно перед моими глазами. Так или иначе, он начинал одолевать меня. Наконец, однажды вечером я пришел полупьяный в евангельское собрание. Стакан был тут как тут, и я испытывал адские муки, стараясь противостоять ему. Проповедник призывал грешников выйти вперед. Я решил бороться всеми способами и пошел на покаянную скамью. Когда я встал, стакан исчез. Он, конечно, вернулся вновь, но я опять избавился от него таким же образом. Разумеется, мне пришлось выдержать сильную борьбу и перенести много поражений, но в результате я победил. Это божественное чудо.

Хотел бы я иметь талант нарисовать вам этого человека. Слова бессильны передать его странный облик. Я проникся к нему большой привязанностью и чувствовал себя его неоплатным должником.

Однажды, когда я, по обыкновению, был на почте, кто-то схватил меня за руку.

– Алло, шотландец! Вот чудесно! Я как раз собирался опу-

стить тебе письмо. – Это был Блудный Сын, одетый, как щеголь. – Я так рад, что поймал тебя. Мы уезжаем через два дня.

– Уезжаем? Куда? – спросил я.

– Конечно, на Золотой Север, в Страну Полуночного Солнца за сокровищами Клондайка.

– Ты, может быть, поедешь, – сказал я строго, – но я не могу.

– Нет, ты можешь и поедешь, старый чудак. Я уже решил все это. Пойдем, мне нужно поговорить с тобой. Старик очень снисходительно отнесся ко мне, когда я заявил ему, что не образумился и не желаю поступать на клеевую фабрику даже временно. Я сказал ему, что у меня золотая лихорадка в сильнейшей степени и что ничто, кроме поездки на Север, не излечит меня. Он был приятно изумлен этой идеей, щедро подкрепил меня и предоставил мне год сроку, чтобы нажить состояние. И вот я здесь и ты со мной. Я намерен забрать тебя. Помни, что это деловое предложение: я должен иметь товарища. Если ты бастуешь, – можешь проваливать!

Я пробормотал что-то насчет места помощника садовника.

– Брось! Ты скоро будешь выкапывать золотые самородки вместо картошки. Право, человек, это может быть единственным случаем в жизни, и всякий другой ухватился бы за него. Конечно, если ты боишься лишений и тому подобное...

– Нет, – сказал я поспешно, – я поеду.

– Ха, – засмеялся он, – ты слишком большой трус, чтобы испугаться! А теперь нам нужно позаботиться об экипировке. Остается не так уж много времени.

Казалось, что половина Сан-Франциско помешалась на Клондайке. Всюду царили спекуляция и возбуждение. Все магазины имели специальные отделения для продажи снаряжения путешественникам, но смутны и дики были их представления о том, что требовалось на Юконе. Мы недурно устроили свои дела, хотя, как и все остальные, накупили много нелепых и бесполезных вещей. Внезапно я вспомнил о Блаженном Джиме и рассказал Блудному Сыну о своем новом друге.

– Это чертовски славный малый, – сказал я, – закаленный, как сталь, прошел огонь и медные трубы. Он едет один.

– Вот, – сказал Блудный Сын, – это как раз человек, который нам нужен. Мы попросим его присоединиться к нам.

Я свел их, и дело наладилось. Таким образом, 4 марта мы втроем покинули Сан-Франциско чтобы поискать счастья на Ледяном Севере.

Книга вторая

Путь

Глава I

– Однако у тебя довольно кислый вид. Ну-ка, повеселей, подтянись, что случилось? – сочувственно осведомился Блудный Сын.

В самом деле, причина была уважительная. Я только что получил письма из дому от мамы и от Гарри. Письмо Гарри было колкое, почти укоризненное. Он писал, что мама чрезвычайно расстроена моей выходкой, сравнивал меня с камнем, летящим в пропасть, и выражал надежду, что я немедленно брошу свою сумасбродную мечту о Полинезии и благоразумно направлюсь на северо-запад. Письмо матери было полно упреков и местами почти отчаяния. Она писала, что слабеет, умоляла меня быть хорошим сыном, отказаться от своих странствий и тотчас же поехать к двоюродному брату. В конверт она вложила перевод на сорок фунтов. Это письмо, написанное тонким дрожащим почерком, полное ласки и любви вызвало слезы на моих глазах, так что я

мрачно склонился над бортом, следя за сутолокой отъезда. Бедная мама! Дорогой дружище Гарри! С какой страстной нежностью я представлял себе их обоих, далекий Гленгайл, шотландский туман, серебрящийся вереск и манящий ветер с моря. О, чистое, живительное дыхание его! И, однако, увы, с каждым днем воспоминания бледнели, с каждым днем я все больше привязывался к новой жизни.

– Я только что получил вести от своих...

– Э, плюнь, – воскликнул он, – теперь поздно отступать! Ты должен проделать штуку до конца. Матери все на один лад, когда сынки отрываются от их юбок. Моя коченеет от ужаса за меня и уверена, что дьявол имеет полную власть над моим будущим. Они довольно быстро умиротворяются. Теперь тебе нужно только работать и привыкнуть к обстановке. Я шнырял последние два часа по палубе и перезнакомился почти со всеми. Знаешь, мне сдается, что эта компания здесь запаслась решительно всем, кроме крепкой шкуры для самого дела. Большинство из них комнатные люди, чернильные крысы или аршинники, которые за всю свою жизнь не видели в глаза тяжелого рабочего дня и не имеют представления о мотыге. Они уверены, что достаточно только добратся туда, чтобы вытаскивать из воды самородки, как вишни из коктейля. Дальше идти некуда!

– Расскажи-ка мне о них, – сказал я.

– Ладно, видишь этого парня около нас?

Я посмотрел. Это был тщедушный молодой человек с мяг-

кими тонкими чертами и необыкновенно свежим цветом лица.

– Этот малый был банковским клерком. Его имя Пинклов. Он хотел связаться с какою-то девицей, но директора, видно, не особенно были в восторге от этого. Теперь он послал к черту свою службу и всадил все сбережения в это предприятие. Вон там в толпе на пристани его девица.

В мозаику человеческих лиц было вкраплено одно, показавшееся мне олицетворением девической прелести; она без смущения заливалась слезами.

– Как счастлив этот бедняга, – сказал я, – что кто-то так огорчен его отъездом.

– Несчастен, хочешь ты сказать, дружище... Разве ты хотел бы иметь на себе путы, идя на такое дело?

Он указал на длинноволосого юношу с развевающимися концами галстука.

– Посмотри на этого бледнолицего чудака с видом артиста, стоящего рядом с первым. Он резчик по дереву. Они зовут его Глобсток. Он сказал мне, что его ремесло резчика наверняка пригодится, когда нам придется мастерить себе лодки на озере Беннет. А там третий, – вон, посмотри, тот маленький, высунувшийся вперед.

Я увидел худого, узкогрудого человека с самоуверенным решительным видом.

– Это профессор, напичкан книгами о Юконе. Это всеобщий календарь на ножках. Ему известно все. Послушал

бы ты его монолог на тему, как что делается. Он намерен жить на палубе, чтобы приучить себя к суровостям полярного климата. Работает с гириями, чтобы развить мускулы и быть в состоянии сгребать самородки.

Наши глаза перебегали от группы к группе, подмечая характерные фигуры.

– Посмотри-ка на этого белобрысого англичанина. Он ехал вместе со мной в пульмане из Нью-Йорка. Чертовски надоедлив. Когда мы подъезжали к Фриско, он сказал: «Самая трудная часть путешествия уже позади». А вон там Ромул и Рем, близнецы. Стройные ребята. Единственная примета, по которой я различаю их, состоит в том, что один шнурует сапоги туго, другой слабо. Они ужасно много воображают друг о друге.

Он повернулся в другую сторону, где Блаженный Джим разговаривал с двумя мужчинами:

– Вот пара победителей. Я ставлю на них в ординаре. Ничто на земле не остановит этих молодцов. Прирожденные американцы, оба решительные и неустрашимые. Взгляни-ка на того высокого, который курит сигару и разглядывает женщин. Это настоящий атлет. Его имя Мервин, весь из ремней и китового уса. Упругий, как охотничий лук. Уж он-то преодолееет. Взгляни на другого! Его зовут Хьюсон, крепок, как башня, мускулист, как медведь. Врос в землю. Это воплощение Силы. Посмотри на его суровое, решительное лицо. Такого не согнешь.

Он указал на другую группу.

– А вот три хищные птицы: Бульгамер, Маркс и Мошер. Огромный со свинными глазками и тяжелой челюстью – это Бульгамер. Он по ресторанной части. Тот, среднего роста, в фуражке – Маркс. Посмотри на его жирное желтое лицо, покрытое прыщами. Это любопытная штучка. Именуется маклером по золотым приискам. Третий – Джек Мошер – картежник до мозга костей, надежный человек, был раньше священником.

Я снова посмотрел в ту сторону. Мошер как раз снял шляпу. У него была совершенно лысая вытянутая голова, прищуренные хитрые глазки и незначительный нос. Всю остальную часть лица занимала борода. Она росла, черная как бездна, спускаясь к выпуклости его живота и, казалось, истощила череп своим изумительным изобилием. На палубе раздавались сочные жирные звуки его голоса.

– Препротивный тип, – сказал я.

– Да, таких много на пароходе. Тут едет целая группа каскадных танцовщиц со своей обычной свитой паразитов. Взгляни на этого полукровку. Вот подходящий человек для той страны – полушотландец, полуиндеец. Самый спокойный человек на пароходе, незначительный с виду, но крепкий, как проволочный гвоздь.

Я увидел сухощавого смуглого человека с большими глазами и плоскими чертами лица, курившего папиросу.

– Посмотри, вон там, рядом с нами евреи Майк и Ревекка

Винкельштейн. Они едут, чтобы открыть кафешантан.

Мужчина был маленьким кривоногим существом с нафабранными усами и косыми глазами, напоминавшим лицом жирный окорок. Но мое внимание привлекла женщина. Никогда не видал я раньше такой представительной амазонки – ростом в шесть футов без малого, с массивными формами. При этом она была красива красотой брюнетки, хотя вблизи лицо ее казалось чувственным и наглым. У нее были мягкие вкрадчивые манеры и грубое остроумие, которым она покоряла толпу. «Опасная, бессовестная и жестокая», – подумал я. Мужеподобная женщина, должно быть, ведьма.

Я уже начал уставать от толпы и мечтал о том, чтобы сойти вниз. Мое любопытство исчезло. Но голос Блудного Сына снова раздался в моих ушах:

– Вон старик со своей внучкой, кажется, родственники Винкельштейнов. Сдается мне, что старикашка немного развинтился. Красивый человек, однако. Похож на ветхозаветного пророка в отставке. Выходец из Польши. Говорит не то по-еврейски, не то на каком-то другом жаргоне. Единственное, что он знает по-английски – «Клондайк-Клондайк». У девочки несчастный вид. Бедная маленькая нищая.

«Бедная маленькая нищая». Я слышал эти слова, но мысли мои были далеко. К черту польских евреев и их внушек! Я хотел, чтобы Блудный Сын предоставил меня собственным мыслям, мыслям о моей горной родине и близких мне людях. Но нет. Он настаивал:

– Ты не слушаешь меня. Посмотри. Почему ты не хочешь?

Итак, чтобы угодить ему, я повернулся кругом и посмотрел. Старик патриархального вида примостился на палубе. Рядом с ним, положив руку на его плечо, стояла тонкая фигурка вся в черном, стройная девичья фигурка. Глаза мои равнодушно поднялись от ее ног к лицу. Тут они остановились. Я едва перевел дух. Я забыл все окружающее. Так я впервые увидел Берну. Я не буду ее описывать – описания так бледны на бумаге. Скажу только, что лицо ее было очень бледно, а огромные серые глаза глядели скорбно. Щеки ее были впалы, рот твердо сжат. Все это я хорошо запомнил, но сильнее всего врезались мне в душу эти большие серые глаза с тоской устремленные туда, на далекий восток, где жили ее грезы и воспоминания. Бедная маленькая нищая!

Тут я выругал себя за чрезмерную чувствительность и спустился вниз. У меня была каюта под номером 47. Мы трое разошлись в сутолоке, и я не знал, кто будет моим товарищем по койке. В очень подавленном настроении я вытянулся на верхней койке и предался грустному раскаянию. Я слышал, как подняли последние сходни, слышал громкое ликование толпы и мерное трепетание машин, но не мог оторваться от своих дум. Снаружи была суета, надвигалась темнота. Вдруг у моей двери раздались голоса. Горловые звуки смешивались с мягкими. Затем раздался робкий стук. Я быстро ответил на него.

– Это каюта сорок семь? – спросил нежный голос.

Прежде чем она заговорила, я догадался, что это была еврейская девушка с серыми глазами. Я увидел теперь, что волосы ее напоминали светлое облако, а лицо было хрупко, как цветок.

— Да, — ответил я.

Она ввела старика:

— Это мой дедушка. Слуга сказал нам, что это его каюта.

— Прекрасно, — ответил я, — я думаю, что ему будет удобнее на нижней койке.

— Да, благодарю вас; он старый человек и не очень крепкого здоровья. — Ее голос был чист и приятен, в нем звучала бесконечная нежность.

— Вы можете войти, — сказал я. — Я оставлю вас с ним, чтобы вы помогли ему устроиться получше.

— Спасибо еще раз, — ответила она с благодарностью.

Я ушел и, вернувшись, уже не нашел ее, старик же мирно спал. Я снова вышел на палубу. Пароход рассекал иссиня-черную ночь, и вправо от нас я едва мог различить берег, изрезанный мигающими огнями. Все уже ушли вниз; одиночество было мне приятно. У меня было легко на душе, и я думал о том, как хорошо все вокруг: свежий ветер, бархатистый свод ночи, усеянный задумчивыми звездами, и свободная песня моря. Все успокаивало, подкрепляло и ласкало. Вдруг я услышал рыдание, безутешное рыдание, вырывававшееся из женской груди. Мучительное и настойчивое, оно ясно долетало до меня, выделяясь на фоне глухого ропота

моря. Я оглянулся. В тени верхней палубы я смутно различил одиноко приютившуюся девическую фигуру. Это была девушка с серыми глазами в припадке горя, от которого, казалось, разрывалось ее сердце. «Бедная маленькая нищая!» — пробормотал я.

Глава II

– Грр... Грр... ты, паскудница! Если ты покажешь ему свое лицо, я убью тебя, убью тебя, слышишь?

Голос принадлежал мадам Винкельштейн, и слова эти, произнесенные с невероятной злостью, свистящим шепотом, поразили меня, как электрический ток. Я прислушался. За дверью каюты воцарилось зловещее, напряженное молчание. Затем раздался глухой удар, и тот же дикий шепот: «Послушай, Берна, мы хорошо знаем твои штуки. Нас не проведешь. Мы знаем, что у старика спрятаны в поясе две тысячи банковыми билетами. Так вот, моя дорогая, мой сладкий ангелочек, который думает, что она слишком хороша, чтобы смешиваться с такими, как мы, нам нужны денежки, видишь ли (хлоп, хлоп), и мы намерены добыть их, видишь ли (хлоп, хлоп). Вот когда ты можешь пригодиться, душечка, ты должна раздобыть их для нас (хлоп, хлоп, хлоп). Не правда ли, ты теперь сделаешь это, милочка (хлоп, хлоп, хлоп).

Едва-едва расслышал я слабый ответ:

– Нет.

Если возможно вскрикнуть шепотом, женщина сделала это:

– Ты сделаешь это, сделаешь. О! О! О! В тебе сидит проклятое ослиное упорство твоей матери. Она никогда не хотела назвать имени человека, который погубил и опозорил ее.

– Не смейте говорить о моей матери, гадкая женщина.

Я услышал голос мегеры, звучавший с неслыханной яростью:

– Гадкая женщина, гадкая женщина? Ты, ты смеешь называть меня гадкой женщиной, меня, которая трижды сочеталась святым таинством брака... Ах ты, незаконное отродье, прелюбодейный щенок, грязная накипь. О, я проучу тебя, хотя бы меня повесили за это. – Эти брызжущие ядом слова были покрыты ругательством, слишком гнусным, чтобы быть повторенным, и снова раздалось ужасное хлопанье, как будто чья-то голова билась о деревянную обшивку. Не в силах выносить это дольше, я резко постучал в дверь. Молчание, долгое и томительное молчание. Затем звук падающего тела. Потом дверь немного приоткрылась, и в ней появилось искаженное лицо Мадам.

– Не болен ли кто-нибудь? – спросил я. – Простите за беспокойство, но мне послышались стоны, и я решил спросить, не могу ли быть чем-нибудь полезным.

Она пронизывающе посмотрела на меня. Ее глаза сузились в щелки и сверлили меня своей злостью. Ее темное лицо распухло от бессильной ярости, казалось, она готова была убить меня. Затем выражение ее молниеносно изменилось. Грязной, униженной кольцами рукой она пригладила свои растрепанные волосы. Крупные белые зубы засверкали в притворно сладкой улыбке. Голос сделался мелодичным.

– О, это пустяки! У моей племянницы болят зубы, но я

надеюсь, что мы справимся с этим сами. Нам не нужно помощи. Благодарю вас, молодой человек.

— О, не стоит, — сказал я. — Если вам что-нибудь понадобится, я буду близко.

Затем я ушел, чувствуя, что глаза ее враждебно следили за мной. Эта история произвела на меня гнетущее впечатление. Было ясно, что с бедной девочкой дурно обращались. Я был полон негодования, злобы, наконец, беспокойства. К этому примешивалась досада за то, что случай заставил именно меня подслушать эту сцену. Как раз теперь у меня не было никакого желания сделаться покровителем обиженных барышень и еще меньше быть замешанным в семейные свары незнакомых евреев. Тем не менее я чувствовал себя обязанным наблюдать и ждать и даже ценой своего спокойствия и удобства предотвратить дальнейшее.

На пароходе вообще не прекращались всякие безобразия: пьянство, картежная игра, ночные оргии и постоянные ссоры. Казалось, что мы увозили с собой все людские отбросы из Сан-Франциско. Я думаю, что даже тогда, когда нагруженные аргонAUTами корабли дюжинами почти ежедневно отплывали на Золотой Север, не было ни одного, на котором так доминировал бы веселящийся элемент. Кают-компания вся пропахла пачулями и застоявшимся виски. Из кают долетали пронзительные напевы популярных песен, сопровождаемые хлопаньем пробок шампанского. Каскадные танцовщицы, без умолку болтая, вертелись в проходах, тан-

цевали на столах и удерживались от непристойностей только из страха перед своими драчунами.

День превращался в непрерывный ряд пиршеств, а ночь наполнялась зловещими звуками.

Даже среди лучшей части пассажиров уже проявлялась нравственная распущенность. Приличия остались позади вместе с накрахмаленными сорочками и сюртуками; помешавшись на быстром обогащении, люди не пытались сохранить благопристойность. Это была ревушая толпа, гордая своей распущенностью и уже зараженная ядом золота. О, как хорошо было на палубе ночью, вдали от этих сатурналий, любоваться на маяки звезд, мерцавшие в небесной глубине, и внимать древнему плачу отверженного моря. Ночи были голубые, серебристые и прозрачные, как хрусталь. Свежий ветер горячил щеки и зажигал глаза.

Однажды, когда я сидел, погруженный в задумчивость, ко мне подошел Блаженный Джим. Его лицо было мрачно, глаза имели сосредоточенное выражение.

Из ослепительно освещенной кают-компания долетали крикливые напевы мюзик-холла.

– Мне совсем не нравится все это. Посмотри-ка туда, сынок. Я жил двадцать лет на приисках, я предавался самому грубому разврату, какой только существует на земле, я прошел Штаты вдоль и поперек, но нигде я не встречал ничего подобного. Ты понимаешь, что это не предубеждение говорит во мне, хотя я и познал греховность своей жизни, бла-

годарение Богу. Я могу допустить это разок-другой для молодцев, отправляющихся на такое дело, но клянусь Рождением... Подумай-ка, ведь на этом пароходе хватит грешников, чтобы образовать целую подсекцию в аду. Здесь есть люди, которым следовало бы сидеть дома с милыми маменьками и любящими женами и детьми, а вместо этого они торчат в кают-компании, разоряются на вина для этих размалеванных Иезавелей. Здесь есть доктора, адвокаты и дьякон из церкви в старом Огайо, которые никогда не сделали в жизни дурного дела, а теперь они буянят, как кабацкие забулдыги, из-за поцелуев этой дряни. В окнах их душ дьявол ликует и скалит зубы, а Господь замерзает на чердаке. Запомни мои слова, мальчик. На Северном Золоте лежит проклятие. Юкон проглотит свою добычу. Запомни мои слова.

– О, Джим, – сказал я, – вы суеверны.

– Нисколько. Но мне было откровение. Они думают, что держат счастье в руках. Послушай, как они вопят, они все уже воображают себя миллионерами. В них нет и тени сомнения. Запомни мои слова, юноша, потому что я не доживу до их исполнения: девяносто девять из ста этих ребят, едущих в этот самый Клондайк, обречены.

– Только один процент выигрывает свою ставку? Это нелепо, Джим.

– Ладно, увидишь. А что до меня, то я уверен в том, что никогда не вернусь обратно. Мне было откровение: «Старый Джим в последний раз в пути». – Он вздохнул и потом резко

сказал: — Заметил ты этого молодца, который прошел мимо нас? Это Мошер-картежник и бывший пастор. Это гадина, ренегат небесного пути. У меня зуб против этого человека. Быть может, мы с ним сведем счеты в ближайшие дни...

Внезапно он отошел, оставив меня в глубоком раздумье над его мрачными изречениями.

Мы были в пути уже три дня. Погода стояла прекрасная, и почти все проводили время на палубе, греясь на солнце. Даже Бульгамер, Маркс и Мошер оставили на время картежную игру. Банковский клерк и столяр оживленно беседовали, строили планы и мечтали. Профессор был занят изложением теории происхождения золота группе молодых людей из Миннесоты. Молчаливо наблюдая эту толпу, богатырь Мервин курил свою большую сигару, в то время, как железный Хьюсон невозмутимо спокойно и тупо жевал табак. Близнецы играли в шашки, Винкельштейны старались сблизиться потеснее с кафешантанной кликой. Тут и там среди отдельных групп мелькал Блудный Сын, быстрый и неуловимый, как хроникер на благотворительном базаре. А за всеми ними всегда одна, в строгом отдалении, как воплощение благородства и прелести, стояла еврейская девушка со своим престарелым дедом. Хотя он и был моим товарищем по каюте, но я мало видел его. Он был в постели, когда я возвращался, а утром я вставал и уходил прежде, чем он просыпался. В остальное время я избегал обоих из-за их очевидной близости с Винкельштейнами. Ясно, думал я, что она

не может быть вполне порядочной, оставаясь в близких отношениях с этой парой. Однако в чистых глазах девушки и прекрасном лице старика было что-то, что укоряло меня за мои подозрения. В то время как я колебался таким образом и исподтишка наблюдал за ними, случилось следующее. Около меня стояли Бульгамер и Маркс, и на палубе раздавались резкие гнусавые голоса танцовщиц. Я видел, как порочные глазки Бульгамера беспрерывно перебегали с одной непривлекательной девицы на другую, пока, наконец, не остановились на странной девушке, стоявшей рядом со своим седовласым дедушкой. Он облизнулся с видом знатока...

– Послушай, обезьяна, что это за овечка там рядом со старой бородой?

– Хочешь соблазнить меня, Пит? Не желаешь ли, чтобы я поразил ее одним ударом?

– Наглый хвостун! А она, однако, кажется, рыбьей породы, не правда ли?

– Плевать на рыбью породу! До сих пор не встречал чего-нибудь мало-мальски приличного, что могло бы устоять против Сэма Маркса. Я победитель – вот кто я. Не забудь. Посмотри только, как я это обработаю.

Я должен заметить, что на нем был дорогой костюм франтовского покроя. Его лоснящееся угреватое лицо расплылось в покровительственно-развязную улыбку, и с поклоном учителя танцев он приблизился к девушке. Я увидел, как она вздрогнула от неожиданности, закусила губу и отшатнулась.

«Тем лучше для тебя, девочка», – подумал я. Но тот несколько не смутился:

– Послушайте, мамзель, не пугайтесь, я хочу только представить вас одному джентльмену, моему другу.

Девушка смотрела на него, и ее расширенные глаза красноречиво выражали страх и недоверие. Их взгляд напомнил мне смертельный ужас лани, преследуемой охотником, и я почувствовал в себе трепет сочувствия. Одно мгновение она пристально смотрела на него, затем резко повернулась спиной.

Это было слишком сильно для Маркса. Он побагровел от досады.

– Послушайте, что это с вами? Слезайте-ка с насеста. Разве мы недостаточно хороши для вас? Кто вы такая, черт возьми?

Его лицо делалось все краснее и наглее. Он приблизился к ней и грубо опустил руку на ее плечо. Решив, что дело зашло слишком далеко, я выступил вперед, чтобы вмешаться, как вдруг произошло неожиданное.

Старик внезапно поднялся на ноги, и я с удивлением увидел, как он был высок.

На лице его появился отблеск прежней силы и властности, глаза сверкнули огнем мщения, и кулак высоко и угрожающе поднялся. Затем он стремительно опустился на голову Маркса, сплющив и надвинув ему шляпу на самые глаза. Развязка носила отчасти смешной характер. Раздался взрыв

хохота, услышав который, Маркс рассвирепел окончательно. Освободившись от шляпы, он с яростными проклятиями кинулся на старика, готовый, казалось, раздавить его. Но тут огромная рука сдавила ему плечо. Это был мрачный молчаливый Хьюсон, и судя по тому, как скорчилась его жертва, можно было представить себе, что лапа его была очень похожа на клещи. Старик был бледен, как смерть, девушка плакала, пассажиры толпились вокруг. Все забавлялись и проявляли любопытство. Чувствуя, что не могу ничем помочь, я спустился вниз.

Что в этой девушке так привлекало меня и заставляло без конца думать о ней?

Был ли это подслушанный разговор, или таинственность, окружавшая ее, или непреодолимое влечение сердца к мечте своей жизни? Со стариком, несмотря на наше соседство по каюте, я не сближался, с девушкой не сказал больше ни слова.

Но боги судьбы действуют причудливыми путями. По всей вероятности, путешествие так и окончилось бы, оставив нас чужими друг другу, и наши пути разошлись бы, чтобы никогда больше не встречаться, жизни наши были бы изжиты до конца, и эта повесть никогда не была бы написана, если бы не случайное вмешательство ящика с виноградом.

Глава III

Мы миновали пролив Пюджет и вышли в то великое море, которое простирается к северу до Полярных Равнин. Ветер был туманный и влажный, насыщенный холодными лобзаниями ледяных гор. Под небом, мрачно окрашенным в багровый цвет, морщилась ледяная вода. Призрачные острова теснили друг друга, чтобы рассмотреть нас, когда мы проплывали мимо. Еще более призрачный материк, прикованный мрачной тоской к морской пене, томился вдали в твердых неприступной скорби.

Вокруг было разлито смертельное страдание, подавляющая пустынность, непобедимая тоска. Мне казалось, что я впервые почувствовал дух Пустыни – ветер, его бесконечное приволье, его святилище.

Пробираясь по неверным морским тропинкам, мы походили на блестящую безделушку на груди ночи. Наше безумное веселье не угасало ни на минуту. Мы были ревом разгула и снопом света. Возбуждение доходило до горячки. Пользуясь им, женщины с накрашенными щеками пожинали обильную жатву. Я удивляюсь теперь, как мы не натолкнулись на серьезное злоключение при одурелой небрежности наших кормчих.

– Не напоминает ли это тебе пикник воскресной школы? – заметил как-то Блудный Сын. – Способ, которым девицы пы-

таются облегчить карманы этих слабоумных, граничит с жестокостью. Я устал, стараясь образумить их: «Подите и придите в себя!» Они отвечают: «Мы прекрасно себя чувствуем. Теперь неважно, если мы продуемся немного. Нас ждет там много легких денег».

Затем они начинают говорить о том, что сделают, когда добудут золото.

— Один лупоглазый хочет купить себе замок в Старом Свете, другой желает скаковую конюшню, третий — паровую яхту. О, это сборище неистовых идиотов! Они все мечтают о сладком житье в самом близком будущем. Я не слышал, чтобы кто-нибудь из них собирался основать приют для одряхлевших прачек или поддерживать своих престарелых бабушек. Меня тошнит от них. Скоро их прошибет холодный пот отрезвления.

Он был прав. В своей мысленной скачке к богатству они взлетали на головокружительную высоту. Они важничали и хвастали, как будто миллионы уже были в их руках. Слушая их, можно было подумать, что они имели исключительное право на сокровища Клондайка. И однако, впереди и позади нас были дюжины подобных судов, нагруженных такой же жадной толпой искателей счастья, неудержимо притягиваемых к северу золотым магнитом. Тем не менее трудно было не заразиться господствовавшим духом оптимизма. Лично для меня золото не имело большой привлекательности, но приключения были очень дороги моему сердцу. В моих

ушах снова раздавался звук рога романтики, и я рвался на его призыв.

И в самом деле, рассуждал я, каким волшебным калейдоскопом был этот мир, в котором я всего полгода тому назад болтал ногами в горном ручье. Я сделался теперь участником и частицей этой великой армии аргонавтов.

Моя природная неповоротливость была уже делом прошлого, и моя изящная шотландская речь уступила место крепкому американскому наречию. Чем ближе к цели мы подвигались, тем сильнее и выносливей я становился. Оглядываясь вокруг себя, я видел много менее приспособленных для предприятия, чем я, и ни одного с таким запасом цветущего здоровья. Вы можете легко представить себе меня в то время: я был высоким юношей с румянцем во всю щеку, черными кудрявыми волосами и темными глазами, которые то зажигались страстью, то заволакивались мечтой.

Я сказал уже, что все мы были в большей или меньшей степени охвачены горячкой, но тут я должен оговориться. Среди охватившего нас волнения одно существо оставалось неизменно холодным, далеким и чуждым: это была еврейская девушка Берна. Даже у старика золотая лихорадка сказывалась в блуждающем взоре и дрожании губ, но девушка казалась статуей терпеливой покорности и живым укором нашим лихорадочным и близоруким мечтаниям.

Чем больше я наблюдал за ней, тем больше она казалась мне здесь не на месте, и почти бессознательно я начал окуты-

вать ее сетью романтики. Я окружал ее таинственностью, которая возбуждала и манила меня, но и без этого меня, несомненно, влекло бы к ней. Мне хотелось узнать ее поближе, заслужить ее уважение, сделать для нее что-нибудь, что заставило бы ласково посмотреть на меня. Короче говоря, я, подобно всем молодым людям, пробирался ошупью к дружбе и участию, которые служат предвестникам любви и страсти.

Мы проходили полосу ветров, где они дули с такой силой, что противостоявшие им чайки с трудом махали крыльями. Волны, эти стаи морских волков, набегая, покрывались пеной. Палубы были безлюдны. Почти все кутилы были больны и лежали, как трупы, так что на корабль, казалось, спустилась субботняя тишина. В тот день я не видал старика и, спустившись в каюту, нашел его совершенно больным. Высохшая рука лежала на лбу, а из запекшихся губ вылетали легкие стоны.

«Бедный старик, – подумал я. – Не могу ли я чем-нибудь помочь ему». Пока я размышлял, раздался робкий стук в дверь. Я открыл. За дверью стояла Берна. Она казалась очень встревоженной, и в ее серых глазах стоял немой вопрос.

– Мне кажется, он немного нездоров сегодня, – сказал я ласково.

– Благодарю вас!..

Жалость, нежность и любовь боролись на ее лице, когда она проскользнула мимо, слегка коснувшись меня. С ласко-

выми словами она опустилась около него на колени. Ее маленькая белая ручка легла на его худую морщинистую руку. Старик с благодарностью повернулся к ней, словно оживленный гальваническим током.

– Может быть, он хочет кофе? – сказал я. – Я думаю, что смогу достать ему.

Она с благодарностью взглянула на меня своими прелестными грустными глазами.

– Если бы вы были так добры, – ответила она.

Когда я вернулся с чашкой кофе, старик полулежал, обложенный подушками. Она взяла у меня кофе и поднесла к его губам, но после нескольких глотков он отвернулся с тоской.

– Боюсь, что ему не хочется, – сказал я.

– Да, кажется, он не будет пить.

Она была похожа на заботливую сиделку, склонившуюся над больным. Она задумалась на минутку:

– О, если бы я могла достать немного фруктов.

Только тогда я вспомнил о ящике с виноградом. Я купил его как раз накануне отъезда, думая сделать приятный сюрприз моим товарищам. Это было, очевидно, вдохновение свыше, и теперь я с торжеством вытащил крупные тяжелые глянцевитые ягоды, зарытые в душистые кедровые опилки. Я потряхнул большую гроздь, и мы снова попробовали кормить старика. Казалось, что найдено как раз то, что было нужно, ибо он ел с жадностью. Она наблюдала за ним с возрастающим облегчением, и когда он, кончив есть, спокойно улегся,

обернулась ко мне.

— Не знаю, как мне отблагодарить вас за вашу любезность, сэр.

— Очень просто, — ответил я поспешно. — Если вы сами согласитесь попробовать виноград, я буду вознагражден сверх меры.

Она бросила на меня неуверенный взгляд, затем глаза ее внезапно засияли радостным, ярким светом, от которого она вся показалась мне лучезарной. Казалось, будто полдюжины лет свалилось с ее плеч, открывая сердце, способное на бесконечную радость и счастье.

— Если и вы будете кушать, — сказала она просто.

За неимением стульев мы присели, скорчившись, на узком полу каюты под благожелательным взглядом старика. Фрукты напомнили нам о солнечных виноградниках и беззаботных утехах юга. Для меня все это было полно неизъяснимой прелести. Она ела очаровательно, и пока мы разговаривали, я всматривался в ее лицо, как бы желая запечатлеть его навеки в своей памяти. Особенно понравился мне задумчивый овал ее лица и прелестно выточенный подбородок. У нее были ясные искренние глаза и длинные ресницы. Уши ее напоминали раковины, у нее были шелковистые волнистые темные волосы. Все это я подробно приметил и решил, что она более чем прекрасна — настоящая красавица. Я испытывал необыкновенную гордость, как человек, нашедший драгоценный камень в грязи.

Эта девушка была своеобразна, таинственна и очаровательна, а потому неудивительно, что я находил особенную прелесть в ее обществе. Я показал себя настоящим артезианским колодцем красноречия и свободно беседовал с ней о корабле, о наших попутчиках-пассажирах и возможности удачи. Я нашел в ней необыкновенно чуткую собеседницу. Казалось, что ум ее проворно опережал мой, и она угадывала мои слова прежде, чем я успевал произнести их. Однако она не обмолвилась и звуком о себе. Оставив ее со стариком, я почувствовал, что полон тревожных вопросов.

На следующий день старик все еще оставался в постели, и девушка снова пришла навестить его. На этот раз я заметил, что застенчивость в ее обращении почти исчезла, и на месте ее появилось робкое дружелюбие. Еще раз ящик с виноградом сыграл роль посредника между нами. Я снова нашел в ней сдержанную, но полную внимания слушательницу и, разоткровенничавшись, рассказал ей о себе самом, о своем доме и близких. Я боялся, что моя болтовня надоест ей, но она слушала с широко открытыми глазами, время от времени сочувственно кивая головой. Тем не менее она опять не проронила ни словечка о своих собственных делах, так что, снова оставив ее со стариком, я почувствовал себя более чем когда-либо в потемках.

На третий день я нашел старика на ногах уже одетым. Берна была с ним. Она выглядела радостней и счастливей обыкновенного и приветствовала меня улыбающимся ли-

цом. Немного спустя она обратилась ко мне:

– Мой дедушка играет на скрипке. Вы не будете иметь ничего против, если он сыграет несколько наших старинных народных песен? Это подкрепит его.

– Нет, пожалуйста, я бы охотно послушал.

Тогда она достала старую скрипку, и старик, любовно прижав ее к себе, мягко заиграл чарующую венгерскую песню; звуки навеяли на меня мысли о романтике, любви и ненависти, страсти и отчаяния. Он играл вещь за вещью, как бы изливая всю грусть и сердечное томление угнетенного народа, пока сердце мое не сжалось от сочувствия.

Странная музыка трепетала страстной нежностью и безнадёжностью. Незаметно бледные сумерки вползали в маленькую каюту. Суровое прекрасное лицо старика дышало вдохновением. Девушка сидела неподвижная и бледная, сложив руки. Вдруг я заметил отблеск на ее щеке. То струились тихие слезы. Прощаясь с нею в этот вечер, я сказал:

– Берна, эта наша последняя ночь на пароходе.

– Да.

– Завтра наши пути разойдутся, быть может, навсегда. Не придете ли вы сегодня ночью на минутку на палубу? Мне нужно поговорить с вами.

– Поговорить со мной?

Она казалась удивленной и недоумевающей. Она заколебалась.

– Пожалуйста, Берна, это единственный случай.

– Хорошо, – ответила она тихим голосом, потом с любопытством взглянула на меня.

Глава IV

Она пришла на свидание прелестная и белая, как лилия. Она была легко одета и дрожала так, что я закутал ее в свое пальто. Мы пробрались на самый нос парохода, перешагнув через огромный якорь, и приютились в его углублении, чтобы укрыться от холодного ветра. Мы прорезали глянцевитую воду. Вокруг нас теснились угрюмые громады, то тут, то там мерцавшие зеленоватым ужасом льдин. Над головой в пустынном небе молодой месяц баюкал в своих объятиях старую луну.

– Берна...

– Да?

– Вы несчастливы, Берна, вы в большой тревоге, маленькая девочка. Я не знаю, зачем вы направляетесь в эту забытую богом страну и почему вы с этими людьми. Я не хочу знать. Скажите мне только: не могу ли я сделать что-нибудь для вас, как-нибудь доказать, что я вам верный друг?

Мой голос выдавал волнение. Я чувствовал, как трепетала рядом со мной ее стройная фигурка в струившемся серебре зарождающегося месяца. Я видел ее лицо, бледное и томно-нежное.

Я ласково взял ее руку в свою. Она заговорила не сразу, просидев долго молча, как бы пораженная чем-то, казалось, прислушиваясь к внутренней борьбе в своей душе. На-

конец очень ласково, очень спокойно, очень нежно, взвешивая каждое слово, она заговорила:

– Нет, вы ничего не можете сделать. Вы были слишком добры все время. Вы единственный на пароходе, кто был добр ко мне. Многие смотрели на меня... Вы ведь знаете, как мужчины смотрят на бедную беззащитную девушку, но вы совсем другой, вы благородны, вы искренни. Я видела это по вашему лицу, по вашим глазам. Я знала, что могу довериться вам. Вы были сама доброта для меня, и я никогда не смогу отблагодарить вас.

– Полно, не говорите о благодарности, Берна, вы не знаете, каким счастьем для меня было помочь вам. Мне жаль, что я так мало сделал. О, я намерен быть искренним и откровенным с вами. Те немногие часы, которые мы провели вместе, заставили меня желать большего. Я одинокий бродяга. У меня никогда не было сестры или девушки-друга. Вы первая, и это было для меня, как внезапный солнечный свет. Так вот: не могу ли я быть действительно на самом деле вашим другом, Берна, другом, который много сделал бы для вас? Дайте мне сделать что-нибудь, что бы то ни было, чтобы показать, насколько серьезно это для меня.

– Да, я знаю. Так вот: вы мой друг, мой истинный друг уже теперь.

– Да, но, Берна... Завтра вы уйдете, и, возможно, мы никогда больше не увидим друг друга. Что толку в этом...

– Так чего же вы хотите? Мы оба сохраним воспоминания,

очень нежные, милые воспоминания. Не правда ли? Верьте мне, так будет лучше. Вы не захотите иметь что-нибудь общее с такой девушкой, как я. Вы ничего не знаете обо мне и видите, с какими людьми я еду. Может быть, я такая же скверная, как они.

– Не говорите так, Берна, – возразил я решительно. – Вы – воплощение добра, чистоты и прелести.

– О, вовсе нет. Во всех нас хорошее смешано с дурным, надеюсь, я не так уж плоха. Во всяком случае, с вашей стороны очень мило так хорошо думать обо мне. О, если бы я никогда не отправилась в это ужасное путешествие! Я не знаю даже, куда мы едем. И мне страшно, страшно...

– Полно, маленькая девочка.

– Да, я не могу выразить вам, до чего мне страшно. Край такой дикий и пустынный, мужчины похожи на грубых животных, а женщины... ну, женщины еще хуже. И тут мы среди них.

– Но, Берна, если дело обстоит так, почему бы вам с девушкой не вернуться обратно? Зачем вам ехать?

– Он никогда не вернется назад. Он будет пробираться вперед, пока не умрет. Он знает только одно слово по-английски – это «Клондайк». Он повторяет его тысячу раз в день. Ему мерещится золото блестящими грудami, и он будет стремиться и бороться, пока не найдет его.

– Но не можете ли вы вразумить его?

– О, это бесполезно. Ему было видение. Он похож на по-

мешавшегося человека; он думает, что избран свыше, и что ему откроется великое сокровище. Вы можете с таким же успехом вразумить камень. Все, что я могу сделать, — это следовать за ним и заботиться о нем.

— А как насчет Винкельштейнов?

— О, это они причина всему, это они воспламенили его воображение. У него есть немного денег — сбережения всей жизни, около двух тысяч долларов; и с тех пор, как он приехал в эту страну, они все время стараются получить их. Они содержали маленький ресторан в Нью-Йорке и убеждали дедушку вложить свое состояние в это дело. Теперь они пользуются золотом как приманкой, чтобы завлечь его туда. Они ограбят и убьют его в конце концов. Самое ужасное то, что он не алчный. Он хочет этого не для себя, а для меня. Вот что разрывает мое сердце.

— Вы, наверное, ошибаетесь, Берна. Они не могут быть такими скверными.

— Говорю вам, что они скверные люди. Муж — червяк, а жена — воплощенный дьявол. Она сильна и неукротима в ярости, а когда напивается, это просто отвратительно... Я достаточно знаю это, ибо жила с ними в течение трех лет.

— Где?

— В Нью-Йорке. Я приехала из Старого Света к ним. Они дали мне сначала место в ресторане. Затем немного спустя я получила работу в мастерской готового платья. Я была проворна и ловка, работала с утра до вечера, посещала вечер-

нюю школу и читала до боли в глазах. Говорили, что у меня есть способности. Учитель хотел, чтобы я доучилась и сама стала учительницей. Но об этом нечего было думать. Я должна была зарабатывать на жизнь и осталась в мастерской, работая без устали. Затем, когда я скопила несколько долларов, я позвала к себе дедушку. Он приехал, и мы зажили по-семейному и были очень счастливы некоторое время. Но Винкельштейны никогда не давали нам покоя. Они знали, что у него было скоплено немного денег, и у них чесались руки от желания завладеть ими. Муж рассказывал нам всегда о способах быстрого обогащения, а она старалась запугать меня самым ужасным образом. Но я не боялась в Нью-Йорке. Здесь другое дело. Все вокруг так мрачно и зловеще...

Я почувствовал, как она содрогнулась.

– О, Берна, – сказал я, – не могу ли я вам помочь?

Она грустно покачала головой:

– Нет, не можете, у вас у самого достаточно забот. К тому же не стоит беспокоиться обо мне. Я не собиралась рассказывать вам все это, но теперь, если вы хотите быть истинным другом, уходите и забудьте меня. Вы не должны иметь ничего общего со мной. Подождите, я скажу вам еще кое-что: меня зовут Берна Вилович. Это фамилия дедушки. Моя мать убежала из дому, но вернулась через два года со мной. Вскоре после этого она умерла от чахотки. Она ни за что не хотела назвать моего отца, но говорила, что он был христианин и из хорошей семьи. Дедушка пытался отыскать его. Он убил бы

этого человека. Итак, вы видите, у меня нет имени, я дитя позора и горя. А вы человек благородный и гордитесь вашей семьей. Посмотрите же теперь, какого друга вы приобрели. Вы не захотите быть в дружбе с такой, как я.

– Я хочу быть в дружбе с тем, кто нуждается во мне. Что будет с вами, Берна?

– Что будет? Это неважно. О, я всегда жила в тревоге, никогда в жизни не имея вполне счастливого дня. Я и не жду его никогда. Я просто пойду до конца, терпеливо перенося все и извлекая из окружающего возможное утешение. Я думаю, что была предназначена для этого. – Она пожала плечами и слегка вздрогнула. – Отпустите меня теперь, друг мой, здесь, наверху, холодно, я продрогла. Не огорчайтесь так сильно. Я надеюсь, что все обойдется благополучно. Что-нибудь может случиться. Взбодритесь! Может быть, вы еще увидите меня королевой Клондайка.

Я чувствовал, что под ее внезапной веселостью скрывается черная бездна горечи и опасений. То, что она рассказала мне, сильно поразило меня. В стечении обстоятельств я чувствовал что-то гнусное, отталкивающее. Она поднялась и была готова переступить через лапу большого якоря, когда я вскочил на ноги.

– Берна, – сказал я, – то, что вы рассказали, надрывает мне сердце. Я не могу выразить вам, как мне тяжело. Неужели я ничего не могу сделать для вас, ничего такого, что бы доказало, что я друг не только на словах? О, я не могу так

отпустить вас.

Луна зашла за облако, мы были скрыты глубокой тенью. Она остановилась так, что мы стояли, почти не касаясь друг друга. В ее голосе звучала трогательная покорность.

– Что же вы можете сделать? Если бы мы могли идти туда вместе, все было бы иначе. Когда я впервые встретила вас, я начала надеяться... О, как я надеялась! Впрочем, неважно, на что я надеялась. Но, поверьте мне, со мной не случится ничего дурного. Вы не забудете меня. Не правда ли?

– Забыть вас? Нет, Берна. Я никогда не забуду вас. У меня сердце разрывается от того, что я не в силах помочь вам сейчас, но мы встретимся там. Не может быть, чтобы мы расстались надолго. Вы должны идти? Хорошо, хорошо, Берна.

– Я желаю вам счастья и успеха, мой дорогой друг.

Ее голос задрожал, как будто что-то душило ее. Она постояла с минуту, как будто не решаясь уйти. Вдруг сильная волна нежности и жалости нахлынула на меня, и прежде, чем я осознал, что делаю, мои руки обвились вокруг нее. Она слабо сопротивлялась, но лицо ее было поднято, и глаза сияли, как звезды. Затем на мгновение, наполнившее мою душу непостижимым восторгом, мои губы коснулись ее уст, и я почувствовал их слабый ответ.

Бедные покорные губы... они были холодны, как лед.

Глава V

Я никогда не забуду той минуты, когда увидел в последний раз ее беспомощную трогательную фигурку в черном, махавшую мне, стоявшему на пристани, на прощанье. Я помню низкий ворот ее платья, открывавший нежную белизну шеи, поникшую головку и шелковистый блеск ее волос. Серые глаза были ясны и спокойны, когда она прощалась со мной, и издали лицо ее своей трогательной прелестью напоминало мадонну. Оставшиеся на пароходе направились через Дайю и старый мрачный Чилкут с его вырытыми ураганами террасами, тогда как мы избрали менее крутую, но более длинную тропу через Скагуэй. Среди них я увидел неразлучных близнецов – мрачного Хьюсона и молчаливого Мервина; оба были спокойны и сосредоточены и как бы сберегали силы для страшной борьбы. Там же выделялась своей пошлостью мадам Винкельштейн, сверкающая драгоценностями, улыбками и грубыми шутками, и возле нее ее надушенный супруг, отвратительно подмигивающий и улыбающийся; тут был и старик с лицом ветхозаветного пророка и мечтательными глазами, горевшими теперь огнем фанатического воодушевления, беспрестанно лепечущий: «Клондайк, Клондайк», и наконец, рядом с ним бледная девушка со скорбной улыбкой. Как болело за нее мое сердце! Но время нежных чувств миновало. Призыв к борьбе прозвучал,

путь призывал нас неумолимо. Настал час для каждого из нас проявить свою доблесть так, как он никогда не проявлял ее ранее. Царство Мира кончилось. Битва начиналась.

Вокруг были неопишущая суеда, беспорядок и волнение. Мужчины кричали, бранились, метались из стороны в сторону. Они, одурелые, с растерянным видом ссорились из-за своих припасов. Жажда неукротимой деятельности охватила их. Единственной мыслью было поскорей добраться до золота. Неистовый пыл властно увлекал их в путь. Жажда золота тлела, разгораясь, в их беспокойных взорах. В них просыпался дух золотоискателей.

Сотни разбросанных палаток, несколько деревянных зданий – большей частью салуны, кафешантаны и игорные дома, – порывистая возбужденная толпа, теснящаяся по колено в грязи на плохо вымощенных улицах, спорящая, дерущаяся и ругающаяся за свои припасы, – вот все, что я помню про Скагуэй. Горы с обнаженными отвесными вершинами, казалось, придавили жалкий город к земле. И среди них, словно в гигантский рупор, завывал мощный ветер. Всюду господствовал полный произвол. Но это не трогало нас. Бандиты поджидали людей из Европы, как хищные звери.

Главой их был некий Смит по прозвищу Мыльный, с которым я имел удовольствие познакомиться. Это был очень общительный человек с приятной внешностью, и никто не принял бы его за отчаянного головореза и убийцу. Одно приключение в Скагуэе до сих пор живо в моей памяти. Ме-

сто действия – салун, где мы с Блудным Сыном пили пиво. В углу сидел в полудреме опьяневший пожилой человек. Это был долговязый тощий малый с огрубелым лицом и желтой козлиной бородкой, самый оборванный, опустившийся старый грешник, какой когда-либо процветал в кабаке. Внезапно раздались звуки выстрелов. Мы выскочили и увидели двух бандитов, стреляющих друг в друга, скрываясь за углами противоположного дома.

– Эй, папаша, смотри-ка, палят! – сказал хозяин бара.

Старик встал и поднял на него тупой добродушный взгляд.

– Палят, говоришь ты, тьфу! Эти молодцы и понятия не имеют о стрельбе. Старый папаша покажет им, как стреляют.

Он подошел к дверям и, вытащив старый заржавевший револьвер, выстрелил в одного из дуэлянтов. Тот, с воплем удивления и боли, ковыляя, убежал. Старик повернулся к другому молодцу. Паф! Мы увидели, как летят щепки и человек убегает сломя голову.

– Говорил вам, что покажу, как стреляют, – заметил старый папаша. – Спасибо, я опрокину рюмочку за свое здоровье.

Блудный Сын развил необыкновенную энергию и выказал удивительную ловкость в то время. Он был неутомим, заботился обо всем и гордился своей ответственностью руководителя. Вечно жизнерадостный, всегда внимательный, он был мозгом и душой нашей компании. Он ни на минуту не

падал духом и служил примером и поддержкой для всех нас, ибо к нам примкнул еще Банка Варенья. Это Блудный Сын открыл его. Это был высокий опустившийся англичанин, худой, оборванный и вшивый, но с остатками аристократических манер. Он был равнодушен ко всему, кроме виски, и единственной заботой его было скрыться от друзей. Я обнаружил, что он был когда-то офицером гусарского полка, хотя он явно избегал разговоров о своем прошлом. Это было погибшее существо во всех значениях этого слова. Север был для него пристанищем и полем неограниченных возможностей обогащения. Итак, мы разрешили ему присоединиться к нам, отчасти из жалости, отчасти надеясь помочь ему завоевать вновь свое человеческое достоинство.

Вьючные животные пользовались большим спросом, ибо фунт съестных припасов ценился наравне с фунтом золота. Старые лошади, годные разве только для живодерни, нагруженные до того, что едва держались на ногах, подгонялись по грязи безжалостными ударами. Всякая собака была ценностью, которую ловко похищали, как только она оставалась без присмотра. Овцам, отправляемым к мяснику, привязывали на спину мешки. Была даже попытка превратить в вьючных животных свиней, но они захрюкали, завизжали и опрокинули свой груз в лужу. Какое безумное волнение, какая брань и понукание, какая изумительная изобретательность нужны были для того, чтобы сдвинуться с места. Нам посчастливилось купить у экспедитора пару волов за четы-

реста долларов. В первый день мы перетащили половину нашего груза в Каньон-Сити и на второй еще столько же. Таким образом, мы целиком выполнили наш план, хотя много раз застревали в тяжелых местах, что было несложно. Но какого труда это стоило! Вот выдержки из моего дневника за эти дни: «Выступили в четыре часа утра. Завтрак – яблочные оладьи и кофе. Нашли одного вола издыхающим. Издох в семь часов. Запрягли оставшегося вола и двинулись с грузом вверх по ущелью. Дорога в ужасном состоянии, но все же тысячи надрываются, чтобы пробраться по ней. Лошади часто сваливаются в рытвины от десяти до пятнадцати футов глубины, стараясь протащить груз через валуны, которые делают путь почти непроходимым. Мы пробираемся с салазками по таким местам, через которые в другое время побоялись бы пройти без всякого груза. Снег за ночь выпал на два фута, но теперь идет дождь. Дождь и снег падают попеременно. По ночам стоят жестокие холода. Сегодня перетащили пять партий груза в Каньон. Окончили последний рейс около полуночи и вернулись замерзшие, промокшие, разбитые». Этот день очень показателен, и таких было еще много перед нами, пока мы доберемся до воды. Медленно, с бесконечным напряжением, с трудом и неимоверными усилиями делая каждый шаг, мы перевозили наши огромные припасы вперед от стоянки к стоянке. Это были тяжкие мучительные дни, полные лишений. Но все же шаг за шагом мы продвигались вперед. Впереди и позади нас толпа двигалась

неудержимо. Черную реку муравьев напоминали они между громадами, круто вздымавшимися грозящие гибелью ледяные вершины. В темноте ночи Армия забывалась беспокойным сном и при первом проблеске зари приходила в движение. Это было бесконечное шествие, в котором каждый человек был предоставлен самому себе. Я как сейчас вижу их, двигающихся, согнувшись под ношами, с усилием тянущих за собой салазки, стегая своих лошадей и волов. Лица сморщены и искажены от усталости, воздух резок от ругательств и тяжел от стонов. Вдруг лошадь спотыкается и скользит в одну из размытых ям на краю дороги. Никто не может пройти. Шествие задержано. Закочневшие пальцы распрягают бедное замерзшее животное и вытаскивают его из воды. Люди, обезумев от ярости, свирепо бьют своих навьюченных животных, чтобы наверстать потерянное драгоценное время. Нет больше сострадания, человечности, дружбы. Всюду богохульство, неистовство и непреклонная решимость. Это дух Золотой Тропы.

У выхода из ущелья была большая стоянка, где заметно выделялась братия картежников. Дюжина их шумно занималась своим делом за зелеными столиками. Они устроились лагерем по одну сторону ущелья.

Был вечер и мы втроем, Блудный Сын, Блаженный Джим и я, пробрались к тому месту, где человек обыгрывал других в три раковины.

– Эге, – сказал Блудный Сын, – это наш старый друг Джек.

Он уже содрал с меня сотнягу на пароходе. Любопытно, как это он проделывает.

Это был Мошер со своей лысой головой, своими зоркими глазками, своим плоским носом, своей черной бородой. Я заметил, как Джим насупился. Он всегда проявлял непреодолимое отвращение к этому человеку, и я часто недоумевал о причине этого. Мы стояли неподалеку. Толпа постепенно расходилась и рассеивалась, пока, наконец, остался только один человек. Это был один из рослых молодых людей из Миннесоты. Мы слышали зычный голос Мошера:

– Ну-ка, дружище, ставлю десять долларов, что вы не угадаете, где фасолина! Смотрите, я кладу ее под раковину здесь перед вашими глазами. Ну-ка, где она теперь?

– Здесь, – сказал человек, дотрагиваясь до одной из раковин.

– Угадал, мой милый. Вот ваша десятка.

Человек из Миннесоты взял деньги и отошел.

– Стойте, – закричал Мошер, – откуда я знаю, были ли у вас деньги, чтобы покрыть ставку?

Человек засмеялся и вынул из кармана пачку билетов в дюйм толщиной.

– Этого хватило бы, не правда ли?

С быстротой молнии Мошер вырвал у него билеты, и человек из Миннесоты увидел перед собой дуло шестистволки.

– Деньги эти мои. И теперь проваливайте.

Одно мгновение – и выстрел прозвучал. Я увидел, как

оружие вывалилось из рук Мошера, и связка билетов упала на землю. Человек из Миннесоты быстро поднял ее и помчался предупредить своих. Миннесотцы достали свои винчестеры, и стрельба началась. Игроки покинули свой лагерь, укрылись за валунами, покрывавшими склоны ущелья, и открыли стрельбу по своим противникам. Началось настоящее сражение, продолжавшееся до наступления ночи. Насколько я знаю, при этом произошел только один несчастный случай. Один швед, находившийся на расстоянии полумили впереди на дороге, был ранен случайной пулей в щеку. Он пожаловался старосте. Этот достойный человек, сидя верхом на своей лошади, посмотрел на него минуту и энергично сплюнул:

– Ничего не могу поделать, Оле. Вот что я скажу вам: в следующий раз, когда пули будут летать в этой части страны, не ходите по дороге, распустив ваши пышные усы. Вот что!

В эту ночь я спросил Джима:

– Как вы это сделали?

Он засмеялся и показал мне в кармане пальто дыру, прожженную пулей:

– Вот видишь, я прошел сам через все это. Я знал, что должно произойти, и подготовился.

– Хорошо, что вы не ранили его тяжелей.

– Подожди еще, сынок, подожди еще. Мне что-то очень знаком этот Джек Мошер. Он удивительно напоминает неко-

его Сэма Мозли, которым я очень интересуюсь. Я как раз написал письмо в ту сторону, чтобы разузнать. И если это он, тогда я спасен.

– А кто был Сэм Мозли, Джим?

– Сэм Мозли? Сэм Мозли был вонючий хорек, который разрушил мой дом и украл у меня жену. Будь он проклят!

Глава VI

День за днем мы истощали вконец наши силы в пути, и спускающаяся ночь находила нас совершенно обессиленными. Блаженный Джим проявлял неистощимую изобретательность и ловкость. Блудный Сын неутомимостью напоминал вечный двигатель. Но особенно отличался своей поразительной доблестью Банка Варенья. Не знаю, из чувства ли благодарности или из желания заглушить неизбывную тоску, но только он наполнял весь день безжалостными усилиями. Любопытным человеком был Банка Варенья, по имени Брайан Венлес, бродяга, исходивший весь мир, отверженный семи британских морей. Если бы его история была записана, это был бы захватывающе интересный человеческий документ. Он, должно быть, был когда-то прекрасным малым и даже теперь, опустившись физически и нравственно, казался джентльменом среди этой толпы благодаря своей неутомимой отваге и надменному нраву. У него слово всегда сопровождалось ударом, и бой длился до печального конца. Он держался особняком, надменно и вызывающе, и всегда искал ссоры. Мрачный и молчаливый с людьми, Банка Варенья выказывал нежную привязанность к животным. Он с самого начала стал заботиться о нашем быке; но особенно сильна была в нем любовь к лошадям, так что в пути, где царила жестокость, он постоянно находился на грани ссоры.

– Это большой человек, – сказал мне Блудный Сын, – боец с головы до пят. Только одного он не может побороть – старину Виски.

Но в Пути каждый был бойцом. Нужно было сражаться или погибнуть, ибо Путь не терпел малодушных. Хороший или дурной, мужчина должен был быть мужчиной в основном смысле этого слова: властным, свирепым и выносливым. Путь был неумолим. С первого шага он взывал к сильным и отбрасывал слабых. Я видел, как на пароходе люди питали свое тщеславие глупыми фантазиями и предавались разгулу, воспламененные пылкими надеждами. Мне предстояло увидеть их покоренными, усмиренными, подавленными, чующими каждый по-своему угрозу и враждебность Пути.

Мне предстояло увидеть, как слабые зашатаются и упадут на краю дороги. Мне предстояло увидеть, как малодушные упадут духом и повернут назад. Но мне предстояло увидеть и то, как сильные и храбрые сделаются свирепыми и необузданными в этой отчаянной борьбе и, стянув свои пояса, решительно пойдут вперед навстречу жестокому концу. Так избирал Путь свои жертвы. И так это произошло: из страсти, отчаяния и поражения создан дух Пути.

Дух Золотого Пути. Как мне описать его? Он опирался на тот основной инстинкт самосохранения, который залегает у нас под тонким слоем человечности. Он воплощал мятеж и безначалие. Он был безжалостен, надменен и груб. Это был человек каменного века в современной оболочке, потрясаю-

щий своим неистовством в беспрестанной борьбе с силами природы.

Пришпоренные лихорадочной жадой золота, подстрекаемые страхом быть побежденными в состязании, обезумевшие от трудностей и лишений в дороге, люди превращались в демонов жестокости и вражды, безжалостно отталкивая и приканчивая слабых, преграждавших им путь. Жалости, человечности, любви не оставалось и следа. Всеми владела лишь жажда золота, торжествующая и отвратительная. Это была победа наиболее приспособленных, упорных и жестоких, и все же на всем этом лежало какое-то грозное величие. То было варварское нашествие, войско, в котором каждый человек сражался сам за себя под знаменем золота. Это было завоевание. Каждый день, наблюдая этот человеческий поток, я размышлял о том, насколько он был могуч и неудержим. Это был эпос. Это была история. Мне пришлось увидеть много тяжелого: одни с угрюмыми, отчаянными лицами бросали свои припасы в снег и поворачивали обратно с сокрушенным сердцем; другие, изнуренные вконец, шатаясь, слепо устремлялись вперед, чтобы вскоре тяжело опуститься на краю дороги в жестокий холод и зловещий мрак. Те и другие были слабы. Много страшного пришлось мне увидеть: люди проклинали друг друга, проклинали путь, проклинали своего Бога, и, как отголосок этих проклятий, звучал скрежет их зубов и стук падения. Потом они обращали свою ярость и досаду на бедных бессловесных животных.

О, какая жестокость царила там! Жизнь животного не ставилась ни во что. Это была дань Пути, это были жертвы на алтарь человеческой алчности. Задолго до рассвета караван просыпался, и воздух наполнялся запахом еды, состоявшей большею частью из подгоревшей похлебки, ибо котлы чистились лишь в редких случаях, а тарелки так же редко мылись. Вскоре далеко растянувшаяся Армия пускалась в путь. Измученные животные надрывались под своей поклажей, погонщики бранили и стегали их. Все мужчины обросли бородой и носили малицы. Многие женщины также сбросили юбки, так что трудно было на близком расстоянии определить пол человека. На салазках были устроены палатки, из которых выглядывали лица детей и женщин. Это была необыкновенная процессия. Все классы, все национальности, седобородые старцы и юноши, священники и проститутки, богатые и бедные дефилировали тысячами, неодолимо притягиваемые золотым магнитом.

Однажды, когда мы продвигались с грузом, впереди произошла заминка в движении, и мы с Банкой Варенья отправились разузнать, в чем дело. Оказалось, что наш старый друг Бульгамер попал в беду. У него была довольно хорошая лошадь. На краю рытвины с водой его салазки затормозились и соскользнули вниз в воду. Теперь он безжалостно колотил животное, неистовствуя, как помешанный, бранясь в припадке бешеной ярости. Лошадь предпринимала самые отчаянные усилия, какие мне приходилось когда-либо видеть, но

с каждой новой попыткой ее силы ослабевали. Время от времени она падала на свои стертые окровавленные колени. На ней не было ни единого сухого волоска, она вся блестела от пота, и никогда мне не доводилось видеть глаза бессловесного животного, яснее говорившие об агонии и ужасе, чем глаза этой лошади. Но Бульгамер все больше ожесточался с каждой минутой, раздирая ей рот и нанося удары дубиной по голове. Это было отвратительное зрелище и, несмотря на то, что я успел уже привыкнуть к бесчеловечности Армии, я вступился бы, если бы Банка Варенья не выскочил вперед. Он был бледен, как смерть, глаза его горели.

— Эй, вы, жестокое животное, если вы еще раз ударите эту лошадь, я сломаю эту дубину на вашей спине!

Бульгамер обернулся у нему, остолбенев от удивления, злоба душила его. Оба они были рослые, крепкие ребята и теперь стояли друг против друга. Бульгамер сказал:

— Проваливайте к дьяволу! Не суйтесь в мои дела. Я выколочу черта из своей лошади, если пожелаю, и вы не посмеете сказать ни единого слова, слышите?

С этими словами он нанес лошади еще один ужасный удар по голове. Произошла короткая борьба. Палка была вырвана из рук Бульгамера. Я видел, как она опустилась дважды. Человек барахтался на спине, тогда как Банка Варенья со свирепым видом стоял над ним. Лошадь медленно погружалась в воду.

— Эй, ты, мерзавец! Я с удовольствием вышиб бы из тебя

дух, но ты не стоишь этого. Ах ты, пес!

Он дал пинка Бульгамеру. Тот встал на ноги и трусливо отошел, но его свинные глазки горели бессильной яростью. Он посмотрел на свою лошадь, которая, дрожа, лежала в ледяной воде.

– Тогда вытаскивайте лошадь сами, чтоб вас черт побрал! Делайте с ней что хотите. Но помните: я рассчитаюсь с вами за это... Я... рассчитаюсь... даже...

Он погрозил кулаком и с ужасным ругательством удалился. Препятствие на дороге было устранено. Шествие снова пришло в движение. Мы вытащили застрявшую лошадь при помощи вола. Благодаря Банке Варенья, который выказал немалое ветеринарное искусство, через несколько дней она снова была в силах работать.

Прошла еще неделя, мы все еще находились в пути между началом ущелья и вершиной перевала. День за днем повторялся тот же ряд безжалостных усилий в условиях, которые ужаснули бы каждого, кроме особо закаленных и ожесточившихся сердец. Путь был в ужасном состоянии, местами почти непроходим и много раз, если бы не непоколебимая стойкость Блудного Сына, я повернул бы обратно. У него было обыкновение смеяться над неудачами и внушать бодрость, когда обстоятельства, казалось, превосходили всякую выносливость.

Вот другой день, описание которого взято из моего дневника:

«Встали в 4.30 утра и начали подниматься вверх с грузом. Путь завалило снегом, и мы ужасно измучились, расчищая его. Груз переворачивался бесконечное число раз. Достигли вершины в 3 часа. Вол утомился, пытался улечься на землю через каждые несколько шагов. Жестокий мороз, и нам с трудом удастся уберечь ноги и руки от обморожения. Продолжаем продвигаться по направлению к Бальзам-Сити. Прибыли туда около 10 часов вечера. Одежда промерзла насквозь и затвердела от холода. Снег от семи до десяти футов глубиной. Леса нет поблизости на расстоянии четверти мили, да и далее только мелкое бальзамное дерево. Пришлось идти за дровами. С большим трудом удалось развести огонь. Было уже около полуночи, когда костер разгорелся и сварился ужин. 18 часов в пути без настоящей пищи. О как тяжела дорога в Клондайк».

И все же я думаю, что по сравнению с другими мы преодолевали путь сравнительно хорошо. С каждым днем, по мере того как дорога делалась все тяжелее, возрастали страдания и лишения, и для многих название Белого Перевала звучало как похоронный звон надежде. Я видел, как бледнели их лица, когда они смотрели вверх на белую громаду. Я видел, как они подтягивали ремни своих узлов, стискивали зубы и начинали карабкаться. Видел, как напрягался каждый мускул, когда они ползли вверх, как углублялись жесткие складки вокруг их ртов, а глаза наполнялись беспросветным страданием и отчаянием. Я видел, как они задыхались

на каждом шагу, измученные усталостью, спотыкаясь и шатаясь под тяжелыми ношами. Это были слабейшие, которые рано или поздно отказывались от борьбы.

Но были и сильные, безжалостные, которые бросили человечность дома, которые стегали своих надрывающихся, изнуренных выючных животных, пока они не падали и тогда с проклятьем бросали их на произвол судьбы.

Высоко, высоко над нами чудовищные горы уходили в облака, так что трудно было отличить гору от облака. Это были гигантские вершины, вздымавшиеся к звездам, туда, где вскармливаются выюги, где зарождаются бурные ветры, величавые грозные родичи бури и грома. Я ощущал их беспредельное величие. Казалось, будто кто-то нагромоздил вершину на вершину, как мешки с мукой. Джим говаривал иногда: «Скажи-ка, не свернем ли мы себе шею, глаза на эти горы?» Как похожа на муравьев была черная Армия, карабкающаяся по обледеневшему ущелью, цепляющаяся за его скользкую поверхность в слепящем вихре снега и дождя. Люди срывались с его краев, не вызывая ни в ком ни жалости, ни беспокойства. Пробел замыкался, не заботясь о тех, кто падал, и движение продолжалось. Великая Армия карабкалась на вершину и переваливала через нее. Далеко позади можно было видеть их: сотни, тысячи, бесчисленное множество, все с именем Клондайка на устах и жадой обладания золотом в сердцах. Это был Великий Поход.

«Клондайк или гибель!» – был пароль. Он не сходил с уст

этих бородатых мужчин.

«Клондайк или гибель!» Сильный человек с бесконечным терпением ставил на полозья свои перевернувшиеся санки и проталкивал их через сугробы снега в лицо слепящей вьюге. «Клондайк или гибель!» Усталый, измученный дорогой путник поднимался из ямы, в которую свалился, и, окоченевший, истерзанный болью, упорно стиснув зубы, тащился еще несколько шагов. «Клондайк или гибель!» Фанатик, обезумевший от жажды золота, проявлял безрассудную выносливость, пока природа не возмутилась и его не унесли, бредящего и вопящего, умирать.

— Это товарищ Джо, — сказал кто-то, когда навьюченная лошадь спускалась вниз по тропинке с привязанным к ней мертвым окоченевшим телом.

— Джо был такой весельчак! Вечно шутил или поддразнивал кого-нибудь. И вот Джо.

Двое усталых, убитых горем людей спускались с салазками нам навстречу.

К салазкам был привязан человек. У него был сильный жар. Он бредил и метался. Его товарищи, сами полупомешанные от страданий, не обращая внимания, продолжали спускаться. Я узнал банковского клерка и профессора и окликнул их. Их глаза устремились на меня из черных впадин, не узнавая, и я увидел, насколько изнурены были их лица.

— Спинно-мозговой менингит, — сказали они кратко.

Они везли его вниз в госпиталь. Я всмотрелся и узнал в этой маске ужаса и агонии знакомое лицо резчика.

Он уставился на меня диким горящим взглядом:

– Я богат! – закричал он. – Богат. Я нашел его – золото, миллионами, миллионами. Теперь я возвращаюсь обратно, чтобы прожить его. Конец холоду, страданиям и бедности, я возвращаюсь туда, чтобы жить, чтобы жить!

Бедный Глобсток. Он умер там. Его похоронили в безымянной могиле. Мне думается, что старушка-мать до сих пор ждет его назад. Он был ее единственным утешением, единственным существом, ради которого она жила, добрый, ласковый сын, человек, полный святой простоты и милосердия. Теперь он покоится под сенью этих суровых гор в неизвестной могиле. Золотой Путь потребовал свою дань.

Глава VII

Это было в Бальзам-Сити. Дела шли плохо. Маркс и Бульгамер создали товарищество с Полукровкой, профессором и банковским клерком, и на двух последних это соглашение сказывалось печальным образом. Причиной всему был Маркс. В лучшие времена он был сварливым и придирчивым брюзгой, а в пути, который мог бы испортить характер ангелу, его желчный нрав превратился для всех в бельмо на глазу. Он непрерывно рычал и в короткое время заставил двух слабейших лизать свои следы. Он любил рассказывать о тех, которые пытались противиться ему, и все же «сковырнулись», о метких выстрелах и смертельных ножевых ударах, в которых он проявил хладнокровную жестокость. Профессор и банковский клерк были люди мирные и очень впечатлительные, поэтому они исполнились благоговейного страха и готовы были даже стать на голову по его приказанию. На метиса, однако, его рассказы не действовали. В то время как те двое дрожали, когда он хмурился, и предугадывали каждое его движение, человек индейской крови не обращал на него внимания, и лицо его ничего не выражало. Этим он заслужил сильную неприязнь Маркса. Дела шли все хуже и хуже. Придирчивость Маркса становилась день ото дня невыносимой. Он обращался с остальными, как с низшей расой и при каждом удобном случае старался завязать ссору с ме-

тисом. Но последний, прикрываясь своей индейской флегмой, только тупо взирал на него. Маркс принял это за трусость, и у него вошло в привычку обзывать метиса скверными словами, в особенности такими, которые бросали тень на доброе имя его матери. Метис по-прежнему не обращал на это внимания, но в его обращении появилась пренебрежительность, которая уязвляла сильнее слов. Таково было положение дел, когда мы с Блудным Сыном посетили их однажды вечером. Маркс пьянствовал весь день и превратил жизнь остальных в маленький ад. Когда мы пришли, он был уже вполне созревшим для ссоры. Блудный Сын предложил игру в покер, и они вчетвером: он сам, Маркс, Бульгамер и метис уселись за карты. Сначала они установили предел для ставки в десять центов, скоро лимит вырос до двадцати пяти. Но спустя некоторое время никакого предела, кроме крыши, уже не существовало. Бутылка переходила от одного к другому, и несколько крупных котлов были уже разыграны. Бульгамер и Блудный Сын были близки к банкротству, Маркс сильно проигрывал, тогда как метис неизменно увеличивал свою кучу фишек. По прихоти судьбы два человека, казалось, беспрерывно стирали один другого в порошок. С каждым разом они все сильнее возбуждали друг друга, пока, наконец, Маркс не объявлял игру, но при этом всегда лучшая карта оказывалась у его противника. Это могло довести до отчаяния, свести с ума, особенно когда Маркс несколько раз сам открывал игру впустую. Казалось, будто сам дух

невезения вселился в него, и по мере того, как игра затягивалась, Маркс все более багровел и раздражался. Он бранился вслух. У него всякий раз были хорошие карты, но противник неизменно ухитрялся обыграть его. Он готов был лопнуть от злости и держал себя вызывающе. Метис предложил выйти из игры, но Маркс не захотел слышать об этом.

– Продолжай, ты, негр! – закричал он. – Не увертывайся, дай мне возможность отыграть свои деньги.

Таким образом, они уселись снова и сдали карты. После второго круга остальные отпали, и Маркс с метисом были оставлены вдвоем. Метис был неподражаемо хладнокровен, его лицо напоминало превосходную маску. Маркс также неожиданно стал очень спокоен. Они начали набавлять. Оба, казалось, имели кучу денег и, начав с десяти и двадцати, быстро дошли до пятидесяти долларов за ставку. Зрелище начинало приобретать захватывающий интерес. Можно было услышать падение иголки. Бульгамер и Блудный Сын хладнокровно наблюдали. У Маркса выступил пот на лбу, тогда как метис оставался вполне спокойным. В котле было около трехсот долларов, тут Маркс не выдержал.

– Я прибавляю сотню, – закричал он, – смотри!

Он с видом победителя открыл свои карты.

– Ну-ка, теперь побей это ты, вонючий мул!

Произошла заметная пауза. Мне было жаль метиса. Он не был в состоянии покрыть такой проигрыш, но лицо его не выражало и тени волнения. Он открыл свои карты, и тут у

всех нас вырвался крик недоверия и удивления, ибо метис открыл королевский флеш в бубнах.

Маркс вскочил. Теперь он был бледен от ярости.

– Ах ты, подлая свинья, нечистый дьявол!

Он быстро ударил противника по лицу, показалась кровь. Я подумал на мгновение, что метис вернет удар. В его глазах появилось выражение холодной смертельной ненависти. Но нет. Быстро согнувшись, он схватил деньги и выскользнул из палатки. Мы посмотрели друг на друга.

– Необыкновенное счастье, – сказал Блудный Сын.

– Необыкновенное жульничество! Не говорите мне, что это счастье. Он мошенник, грязный вор, но я прищемлю его. Он должен драться теперь. Он будет драться на ружьях, и я убью этого сукина сына.

Он пил большими глотками из бутылки, сам раздувая в себе неудержимую ярость площадной бранью. Наконец он вышел, еще раз поклявшись, что убьет метиса, и направился к другой палатке, откуда доносились звуки шумного веселья. Смутно предчувствуя беду, мы с Блудным Сыном не ложились и продолжали сидеть, беседуя. Вдруг я заметил, что он насторожился.

– Тсс, слышишь?

Мне почудился звук, похожий на яростный рев дикого зверя.

Мы выбежали. Это был Маркс, бежавший к нам. Он обзвонил от алкоголя и размахивал в руке ружьем. На губах его

была пена, и он кричал на бегу. Затем мы увидели, как он остановился перед палаткой, занятой метисом, и откинул завесу.

— Выходи, грязный жулик, мошенник, индейский ублюдок! Выходи драться!

Он ворвался внутрь и снова выбежал, таща за собой метиса. Они вцепились друг в друга, но мы бросились и разняли их. Я держал Маркса, но он неожиданно отбросил меня и, выхватив револьвер, выпустил один заряд, крича:

— Отстаньте вы все, отстаньте, дайте мне застрелить его! Это моя добыча!

Мы довольно быстро отступили, ибо Маркс разошелся во всю. По существу, мы все нуждались в защите, кроме метиса, который стоял прямо и спокойно. Маркс направил револьвер на противника, который хладнокровно выжидал. Маркс выстрелил, и красная струйка показалась на рубашке Полукровки около плеча. Тогда случилось нечто. Рука метиса быстро поднялась, и шестистволка щелкнула два раза. Он повернулся к нам:

— Я не хотел этого, но вы видите. Он принудил меня. Мне очень жаль. Он принудил меня к этому.

Маркс лежал пластом, как мешок. У него было прострелено сердце, и он был мертв.

Глава VIII

Мы были на стоянке в Райской Долине. Впереди и позади нас с бесконечным трудом пробивалась армия чечако. Мы много выстрадали, но путь близился к концу. И к какому концу! С каждой милей бедствия и трудности, казалось, возрастали.

Наконец мы подошли к дороге Павших Лошадей. Мы встречали мертвых животных в большом количестве на протяжении всего пути, но то, что представилось нам, когда мы подошли к этому месту, не поддается описанию. Здесь они лежали тысячами. В одну ночь мы перетащили шесть трупов, чтобы очистить место для палатки. Они лежали там, отвратительно разбухшие, ребра их прорывались сквозь кожу, и глаза гнили на солнце. Это напоминало поле сражения своим гнетущим безобразием.

С каждым днем число их увеличивалось. Тропа шла по большим валунам, покрытым заледеневшим снегом, в который усталые животные проваливались по брюхо. Отчаянно борясь, они скользили вниз между валунами. Затем их ноги начинали хрустеть, как хворостинки, и тут их обыкновенно оставляли умирать.

Часто можно было видеть в расселине скалы защемленный обломок копыта или прицепившийся к уступу острый осколок ноги, в то время как лошадь, которой это принадле-

жало, лежала далеко оттуда. Можно было увидеть, как бедные животные устилали путь вплотную, голова к хвосту, на сотни ярдов в длину. Можно было увидеть, как они блуждали вокруг, покинутые и несчастные, в поисках пищи. Они подходили к стоянке ночью, издавая жалобное ржание, с выражением ужасной мольбы на изголодавшихся мордах, пока кто-нибудь из жалости не приканчивал их. Я помню, как однажды ночью в темноте наткнулся на большую унылую лошадь. Она покачивалась из стороны в сторону, и я, приблизившись, увидел, что горло ее отвратительно перерезано. Она смотрела на меня с такой смертельной тоской, что я закрыл ей морду платком и ударом топора прекратил ее мучения. Самые умные лошади погибали первыми. Они надрывали свои силы в доблестных усилиях. Доведенные до отчаяния, они иногда убивали себя сами, бешено кидаясь на скалы. О, это было ужасно, ужасно! Наша собственная лошадь была обречена на гибель. Откровенно говоря, никто, кроме Банки Варенья, не был этим особенно огорчен. Если впереди была глубокая рытвина, лошадь неизменно погружалась в нее. Иногда нам приходилось дважды в день распрягать вола и при его помощи вытаскивать ее. На краю дороги было место, очищенное от снега и служившее живодерней. Туда-то мы привели ее со сломанной ногой и всадили ей пулю в голову. Пока мы возились, туда привели еще шесть других, чтобы застрелить.

Было воскресенье, и мы сидели в палатке, бесконечно на-

слаждаясь днем отдыха. Банка Варенья чинил кусок упряжи, Блудный Сын играл в соло. Блаженный Джим только что возвратился из путешествия в Скагуэй, где он надеялся найти письмо издалека, касающееся некоего Джека Мошера. Его обычно бодрое, приветливое лицо было мрачно и встревожено. Он медленно снял свое покрытое снегом пальто.

– Я всегда говорил, что на этом клондайкском золоте лежит проклятие, – сказал он, – теперь я уверен в этом. Во что оно обойдется, сколько сердец разобьет, сколько очагов разрушит? Никто никогда не узнает, во что оно уже обошлось. Но это последнее все же самое ужасное.

– Что случилось, Джим? Какое последнее?

– Да разве вы не слышали? Так вот, нынче произошел снежный обвал на Чилкуте, и несколько сот человек погребены.

Я смотрел на него пораженный. Нас, живших изо дня в день под угрозой снежных обвалов, это бедствие наполнило ужасом.

– Не может быть, – сказал Блудный Сын. – Где?

– О, где-то около Линдермана. Сотни бедных грешников погибли, не имея возможности покаяться.

Он собирался уже сказать нам поучение по этому поводу, когда вмешался Блудный Сын.

– Несчастные! Я думаю, что мы знаем кое-кого из них. – Он повернулся ко мне: – Хотел бы я знать, не случилось ли чего с вашей маленькой подругой венгеркой?

Мои мысли действительно как раз обратились к Берне. Среди испытаний в пути (когда нам приходилось сосредотачивать все мысли на треволнениях минуты, а каждая минута была полна своих треволнений) оставалось мало времени для размышлений. Тем не менее образ ее был всегда передо мною и мысли о ней приходили мне в голову, когда я меньше всего ждал их. Жалость, нежность и большая доля тревоги наполняли мои думы. Часто я задавал себе вопрос: увижу ли я ее еще раз. Радость и сильное томление охватывали меня, когда я мечтал об этом.

При этих словах Блудного Сына показалось, будто все мои рассеянные чувства слились в одно. Могучее желание, доходившее почти до страдания, охватило меня. Мне кажется, что я был все время молчалив и серьезен, но, должно быть, сила моего желания внушила Блудному Сыну следующие слова:

– Послушай, старина, если тебе хочется прогуляться по дороге на Дайю, я думаю, что смогу обойтись без тебя денек-другой.

– Да, правда, я хотел бы осмотреть путь.

– О да, мы уже заметили твою пылкую любовь к путешествиям. Почему бы тебе не жениться на девушке? Ладно, на востри лыжи, старый дружище, и не пропадай слишком долго.

Итак, на следующее утро я отправился налегке в Беннет. Как легко было идти, не сгибаясь под ношей! И я быстро

обогнал усталую толпу, с трудом заканчивающую последний переход. Я ожидал некоторого улучшения самой дороги, но она, напротив, с каждым шагом делалась все безнадежнее и ужаснее. Приходилось идти по колено в замерзшем снегу, под которым путь, казалось, был вымощен трупами павших лошадей. Я довольно долго задержался в Беннете в ожидании завтрака. Пирог, прибитый к крыше палатки, указал мне ресторан, где я за доллар получил вкусное блюдо из бобов со свиной грудинкой, кофе и пирожное. Рано утром я отправился в Линдерман. Воздух был чист и морозен, и первые партии начинали уже подходить к Беннету, усталые и измученные. В пути человек заканчивал один рабочий день в 9 утра, второй к 4 часам пополудни, третий к наступлению ночи. Каким счастьем было освободиться от этого. Я продвигался вперед за передовым отрядом приближающейся Армии, когда встретил Хьюсона и Мервина. Они, казалось, вполне приспособились и в кратчайшее время проделали путь с большим грузом. В противоположность изнуренным людям с измученными глазами и сморщенными исхудалыми лицами, они казались полными бодрости. До них дошли слухи о снежном обвале, но они не знали никаких подробностей. Я спросил о Берне и о старике. Они находились где-то позади между Чилкутом и Линдерманом.

– Да, по всей вероятности, они погибли при обвале. До свиданья.

Я устремился вперед, полный беспокойства. Черная река

чечачо протекала через Линдерман. Только тут я ясно представил себе всю многочисленность надвигавшейся Армии и могущество импульса, увлекавшего эти неукротимые атомы на север. Дул сильный ветер, и многие с большим успехом прикрепили паруса к своим салазкам. Я видел еврея, правившего волон, который тащил за собой четыре пары салазок. К каждой из них был прикреплен маленький парус. Вдруг вол обернулся и увидел паруса. Это было нечто, выходившее за пределы его опыта. С ревом ужаса он обратился в паническое бегство и помчался, преследуемый вопящим евреем, в то время как вещи скатывались во все стороны с цепи салазок. Когда я видел их в последний раз на далеком расстоянии, еврей и вол все еще бежали. Почему я так беспокоился о Берне? Я и сам не знал, но с каждой милей моя тревога возрастала. Мною владел темный, безрассудный страх. Я решил, что никогда не прощу себе, если с ней что-нибудь случится. Я рисовал ее себе распростертой, белой и холодной, как самый снег, с лицом, умиротворенным смертью. Почему я так мало думал о ней до сих пор! Я недостаточно ценил ее чарующую прелесть, ее нежность. Если бы только она уцелела теперь, я показал бы ей, каким преданным другом могу быть. Я защищал бы ее и был бы всегда рядом в час нужды. Но все же как глупо думать, что с ней что-нибудь случилось. На это был один шанс против ста. И тем не менее я рвался вперед. Я встретил близнецов. Они сообщили мне, что едва избежали обвала и не оправились еще от потрясе-

ний. «Это произошло немного дальше по дороге», – сказали они. Я увидел людей, раскапывавших трупы. Они вырыли семнадцать трупов в это утро. Некоторые были раздавлены в лепешку.

Снова с болью в сердце я справился о Берне и ее бабушке. Близнец номер первый заявил, что оба они погребены под обвалом. У меня перехватило дыхание, и я почувствовал неожиданную слабость.

– Нет, – сказал близнец номер второй, – старик погиб, но девушка спаслась и почти обезумела от горя.

Вновь я рванулся вперед. Группы людей раскапывали убитых. Время от времени лопата натыкалась на руку или череп. Поднимался крик, и изуродованный труп оказывался на поверхности. Я снова начал свои расспросы. Усердно копавший человек приостановил свою работу. Это был на вид придурковатый парень, глаза которого своим блеском напоминали сову.

– Это, должно быть, старик с бородой, которого выкопали раньше из более низкой части обвала. Родственник его, по фамилии Винкельштейн, вызвался позаботиться о нем. Его унесли вон в ту палатку. Никого не подпускают близко.

Он указал на палатку на склоне горы, и я с тяжелым сердцем направился туда. Бедный старик, такой ласковый, такой благородный, со своей мечтой о золотом сокровище, которое должно было принести счастье другим. Это было жестоко, жестоко!

– Что вам здесь нужно, убирайтесь к черту! – слышались слова, сопровождавшиеся словно бы злобным рычанием. Я удивленно оглянулся вокруг. У входа в палатку, остетинившись, как сторожевой пес, стоял Винкельштейн.

Глава IX

Я остолбенел на минуту, ибо совсем не ожидал такого «ласкового» приема.

– Убирайтесь отсюда! Вы не нужны здесь. Проваливайте! Вон!

Я почувствовал, как дикая злоба поднялась во мне. Я смерил его глазами и решил, что легко одолею его.

– Я желаю, – сказал я твердо, – увидеть тело моего старого друга.

– Вы желаете, неужели? Ну, так можете желать сколько влезет, тем более что здесь нет никакого тела.

– Вы лжец, – сказал я, – но не стоит тратить на вас слов. Я войду во что бы то ни стало.

С этими словами я внезапно схватил его и с силой отбросил в сторону. Он зацепился ногой за один из канатов палатки и растянулся, поблескивая в мою сторону злыми глазами.

– А теперь, – сказал я, – знайте, что у меня есть ружье, и если вы попытаете устроить мне какую-нибудь пакость, я пристукну вас так быстро, что вы не успеете даже сообразить, что с вами случилось.

Внушение подействовало. Он поднялся на ноги и последовал за мной в палатку как воплощение бессильной злобы. На полу лежал длинный предмет, накрытый одеялом. Со странным чувством невольного ужаса я поднял покрывало.

Под ним был труп старика.

Он лежал на спине и не был лишен, как многие другие, нормального человеческого облика, хотя все же был достаточно страшен своим посиневшим лицом и открытыми выкатившимися глазами. Отчего его пальцы были стерты до костей? Он, должно быть, отчаянно разгребал снег голыми руками, пытаясь выкарабкаться. Я никогда не забуду этих скрюченных, лишенных ногтей пальцев. Я ощупал его поясницу. Ага! Пояс с деньгами исчез.

– Винкельштейн, – сказал я, повернувшись неожиданно к маленькому еврею, – у этого человека при себе было две тысячи долларов. Куда вы девали их?

Он заметно вздрогнул, в глазах его появилось выражение страха. Но мгновенно оно исчезло, и лицо его исказилось яростью.

– У него ничего не было, – взвизгнул он, – у него не было и медного гроша. Он не что иное, как старый нищий, которого я таскал за собой, чтобы он играл на скрипке. Он в долгу у меня, будь он проклят. А вы-то тут при чем, паршивый нахал, который смеет обвинять почтенного человека в том, что тот обкрадывает трупы?

– Я был другом покойника. Я и сейчас друг его внуки и хочу восстановить справедливость. Этот человек носил на себе две тысячи долларов в поясе. Они принадлежат теперь девушке. Вы должны их отдать, Винкельштейн, или...

– Докажите это, докажите это, – засуетился он. – Вы лжец,

она лгунья, вы все шайка лгунов, старающихся очернить почтенного человека. Я утверждаю, что у него никогда не было денег, и если он когда-либо говорил это – он лжец.

– Ах ты, подлая гадина, – воскликнул я, – это ты лжешь. Я с удовольствием заткнул бы твою грязную глотку, но я не отстану, пока ты не выкашляешь назад эти деньги. Где Берна?

Он сразу успокоился.

– Ищите ее, – засмеялся он ядовито, – ищите ее сами и уберите с глаз моих как можно скорей.

Я увидел, что он нащупал мое слабое место, и, погрозив ему на прощанье, вышел.

В одной из соседних палаток находился ресторан, куда я направился, чтобы выпить чашку кофе. Я расспросил прислуживавшего мне человека, жирного веселого малого, относительно девушки. Да, он знал ее. Она жила вон в той палатке с мадам Винкельштейн. Говорили, что она ужасно убивалась по старику, бедная девочка.

Я поблагодарил его, проглотил свой кофе и направился к палатке. Пола была опущена, но я постучал о парусину, и тотчас же увидел мрачное лицо Мадам. Увидев меня, она сделалась еще мрачнее.

– Что вам нужно? – спросила она.

– Я хочу видеть Берну, – ответил я.

– Это невозможно. Ведь вы же слышите, разве этого недостаточно?

И я действительно услышал очень тихий жалобный звук,

исходивший из палатки, что-то среднее между рыданием и стоном, похожее на плач индейской женщины над покойником, только бесконечно более покорное и тоскливое. Я был потрясен, полон благоговения, неизмеримо грустен.

– Благодарю вас, – сказал я. – Простите. Я не хочу беспокоить ее в час горя. Я приду еще раз.

– Хорошо, – засмеялась она ядовито, – приходите еще раз. Итак, мои ожидания не сбылись. Я подумывал о возвращении, но потом решил воспользоваться случаем, чтобы осмотреть немного знаменитый Чилкут, и направился далее. Лица тех сотен, которых я встретил, были те же, что попадались уже мне тысячами: отмеченные печатью Пути, изможденные складками страдания, измученные усталостью, помертвелые от отчаяния.

Здесь были та же безумная спешка, то же равнодушие к бедствиям, та же суровая стоическая выносливость.

Снежная буря бушевала на вершине Чилкута, и снег кружился, покрывая тысячи ям глубиной от десяти до пятнадцати футов, вырытых для сохранения припасов. Я стоял на вершине почти отвесного склона, который носил название Лестницы. В ледяной коре были вырублены ступени, по которым взбирались люди с тяжелыми ношами на спинах. Можно было продвигаться только гуськом. Эта была знаменитая «Человеческая Цепь». По краям дорожки на разных расстояниях были вырублены площадки, чтобы дать возможность обессилевшим выйти из цепи и передохнуть. Но если ка-

кой-нибудь изнуренный путник спотыкался и падал в одну из расселин, ряд быстро смыкался, и никто не оглядывался на него. Люди надевали поверх обуви острые шипы, так что ноги их вонзались в скользкую поверхность. Многие из них имели палки, и все сгибались почти в три погибели под своими мешками. Они не разговаривали, губы их были сурово сжаты, глаза неподвижно уставлены в одну точку и мрачны. Они наклоняли головы, чтобы укрыться от порывов резкого ветра, но в какую бы сторону они ни поворачивались, он неизменно дул им навстречу. Снег лежал толстым слоем на их плечах и покрывал им грудь, на их бородах блестели ледяные сосульки. Когда они поднимались со ступеньки на ступеньку, казалось, будто ноги их налиты свинцом – с таким трудом они переставляли их, и площадки для отдыха по пути никогда не пустовали. Видно было, как они шатались, как пьяные, добравшись до вершины Пути под порывами ветра, который, казалось, одним дуновением заметал все тропинки. Они ощупью находили ямы для припасов, вырытые лишь накануне, а теперь покрытые глубоким снегом. Они спускались вниз с головокружительной быстротой, откидываясь назад на свои палки, ибо спуск был похож на каток. В минуту они исчезали из глаз, но завтра люди из Чилкута появлялись вновь, и так повторялось каждый день. Крестный путь воистину был весь воплощен в муках этого подъема. Со своего места на вершине я видел, как людская цепь тянулась вверх звено за звеном, и каждое звено было человеком. И когда

они взбирались по безжалостной тропинке, на каждом человеческом лице можно было прочесть палимпсест его души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.